

Бел-горюч камень

Автор:

[Ариадна Борисова](#)

Бел-горюч камень

Ариадна Борисова

За чужими окнами

У девочки, обладающей необычным именем – Изольда, и судьба, конечно, самая необыкновенная. Вскормленная якуткой, Иза вместе с молоком своей второй матери впитала любовь к этому суровому северному краю, столь не похожему на благословенную Балтику, откуда происходили ее предки. Сердце Изы стремится к радости, она умеет видеть красоту в самых обычных вещах, и неудивительно, что мир отвечает ей взаимностью. Первая любовь к огненноволосому цыгану дарит Изольде настоящее счастье. Не всем нравится ее яркое горение, а значит, Изу ждут тяжелые испытания. И семейная реликвия «бел-горюч камень» еще не раз окажется омыта слезами...

Ариадна Борисова

Бел-горюч камень

Посвящается семи народам, кровь которых течет во мне.

© Борисова А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Часть первая

Огокко[1 - Огокко? – дитя (якут.).]

Глава 1

В третьей ссылке

Мария была русская, Хаим – еврей, оба родом из Клайпеды, откуда русских повымело за несколько месяцев до Первой мировой войны, а евреев – за два года до Второй[2 - Начало истории читайте в романе А. Борисовой «Змеев столб»]. 14 июня 1941 года по решению советского правительства чету Готлибов в числе десятков тысяч представителей буржуазии и интеллигенции без суда и следствия вывезли из Литвы в Алтайский край. Официальным поводом насильственного перемещения послужила политическая неблагонадежность ссыльнопоселенцев. Спустя год их перебросили в Заполярье, на острова Великого Ледовитого океана, поднимать подточенную войной рыбную промышленность страны.

Через несколько лет рыболовецкий участок № 7, названный по фамилии заведующего Мысом Тугарина, был ликвидирован. Небольшую группу бывших рыбаков, куда вошли Мария и Хаим, определили на кирпичный завод в поселке близ Якутска, остальных отправили в шахтерские места добывать каменный уголь. Иного вида деятельности для социально чуждого контингента, кроме ТФТ[3 - ТФТ – Тяжелый Физический Труд. Рекомендация ТФТ стояла на справке спецпоселенца.], советская власть не предусматривала.

Районный поселок широко растянулся вдоль берега Лены. Заводской околоток находился глубже, в южной стороне рядом с деревней. Дальше простирались колхозные поля и темнели поросшие хвойным лесом горы. Прибывшие встали на учет в здешней спецкомендатуре НКВД, где им сообщили, что они теперь имеют

право голосовать за кандидатов в депутаты районного Совета трудящихся и Верховного Совета СССР. Комендант дежурно зачитал правила ежемесячной регистрации и предупредил о запрете выезда за пределы поселка на пять километров без письменного разрешения. Самовольная отлучка каралась штрафом или недельным арестом, что узникам, подверженным режимным ограничениям не первый год, было хорошо известно.

С трансформацией ТФТ изменилось и привычное бытие. Совсем недавно переселенцы ютились в многолюдных, промерзших насквозь земляных юртах с ледовыми окошками и железными камельками, а тут заводское начальство выделило каждой семье по комнате с настоящей печью и застекленным окном. Снаружи бревенчатый барак, в котором досталось жильё Марии и Хаиму, был утеплен завалинками, засыпанными землей и шлаком, входная дверь вела в длинный коммунальный коридор. Предыдущие жильцы содержали комнату в чистоте. Выпросив на пилораме досочные обрезки, Хаим сколотил тахту, стол и табуретки, Мария повесила на окно вышитые крестом занавески из белой американской мешковины. Любуясь новообретенным гнездышком, Готлибы наконец-то поверили, что полярная ночь, штормовые ветра и неотвязный запах рыбных кишок отступили в прошлое.

Некоторое время зарплату выдавали продовольственной нормой: по два килограмма крупы, по полкилограмма масла и сахара на человека в месяц и ежедневный хлеб. Роскошь по сравнению с пайком на морском побережье, где в первые годы умерли от голода больше трети «врагов народа», преимущественно стариков и детей.

Осень выдалась долгой. Все свободные часы умудренные полярным опытом люди собирали в окрестных лесах бруснику и, по совету заводчан, чагу. Эту березовую губку, объяснили Марии, крошат и заваривают из нее чай. С добавлением сушеных ягод шиповника напиток очень вкусен и полезен для желудка.

За помощь в сборе картофельного урожая агроном колхоза распорядился доставить Готлибам на подводе два куля овощей. Хаим подобрал на поле кучу брошенной свекольной ботвы и, пересыпав брусникой, проквасил не успевшие повянуть листья в брезентовом мешке. Получилось неплохо. Как могли, подготовились к зиме.

Завод работал в три смены со скользящим выходным. Мария доставляла из сушильных камер кирпич-сырец к печам в рельсовой вагонетке и возила к пункту приема штабеля готовой продукции. Хаим стоял на обжиге: на море приходилось вытаскивать рыбу из жгучей, как кипятка, ледяной воды, теперь он вынимал из печей раскаленные кирпичи. Двухслойные брезентовые рукавицы, сколько их ни латай, быстро обгорали и рвались. Скоро к оставшимся от обморожения рубцам прибавились шрамы ожогов – муфельный жар выкручивал исковерканные стужей кисти рук, пузырил и обдирал кожу с пальцев.

Когда отдел спецпоселений разрешил выплачивать перемещенным лицам зарплату, выяснилось, что десять процентов заработка поверх подоходного налога с них удерживаются по-прежнему, но само жалованье почти в четверть больше. Появилась возможность покупать в колхозе картофель, молоко у частников, рыбу и дичь – рябчиков и глухарей, в изобилии водившихся в близкой тайге.

Местные жители не видели в ссыльных врагов и относились к ним так же, как к другим рабочим. Жизнь вроде бы повернула к лучшему... Раненные тоской о первенце, потерянном в Каунасе по воле злосчастного случая, Готлибы снова решились на ребенка.

В малокровном теле Марии беременность протекала болезненно, но плод сумел зацепиться и держался крепко – отцовское упрямство уравновешивало терпение матери. За три дня до родов Хаим предложил назвать сына – если будет сын – Зигфридом, а если дочь – Изольдой.

– Изольда? – не поверила своим ушам Мария. Мужское имя она пропустила: опытная фельдшер-акушер уверенно предсказала ей пол ребенка. – Изо льда! Ты понимаешь, что говоришь?! Мы сами кое-как вырвались изо льда!

– Мы выжили, – тихо возразил муж.

С юности влюбленный в музыку Вагнера, он не разделял народной неприязни, отметававшей все немецкое, будь то Вагнер, Дюрер или Гете. Острое чувство прекрасного превосходило в Хаиме национальную осторожность, которую евреи впитывают с молоком матери. А может, в его жилах текла какая-то новая, огнеупорная кровь, более стойкая, чем у остальных детей Израиля. Он легче сносил напасти и в непредвиденных обстоятельствах мгновенно

переходил от растерянности к действию. Вопреки экспериментам пересеченной бедствиями судьбы, в нем не угасал огонь неиссякаемого жизнелюбия. Хаим сохранял душевное равновесие в пыточном холоде, не отчаивался, если тело грыз голод, и, вопреки всему, радовался счастью быть рядом с любимой женщиной. На самом деле, думала Мария, муж оставался таким, каким человек был создан изначально, – с любовью к жене, семье и миру, и сторонился людей потому, что они изменились с тех пор, как ушли от Бога.

– У имени «Изольда» синие глаза...

– Твоя привычка все поэтизировать иногда неуместна... и просто невыносима! – простила Мария. – Ты забыл, что исландская принцесса была несчастной? Что станет с девочкой? Отчество с фамилией как скроешь?

Хаим настаивал чуть хрипловатым голосом:

– Она будет счастливой.

Хрипотца, словно он молниеносно простыл, возникала у мужа от волнения, но, когда он пел, его голос не звучал хрипло. У Хаима был чудесный оперный баритон.

– Почему не Анна, не Ирина? Не Софья – по имени моей мамы...

Он с улыбкой обнял жену:

– Я представляю нашу дочь солнечной, как ты.

– Разве ты не видишь – я седая!

– Все равно рыжая, – засмеялся Хаим. – Моя королева.

– Ты хочешь, чтобы девочка походила на королеву Кристину из фильма... на Грету Гарбо, как я когда-то, и переживала из-за этого, как я?!

– Ты не Гарбо, ты – Мария, и другой такой нет на свете...

Впервые ее томила и угнетала спокойная уверенность мужа, упорно не желающего выходить за пределы выстроенного им мирка. Хаим вел себя так, будто зло на земле развеялось не стоящим памяти прахом и всеильное счастье ожидает их будущего ребенка. Только теперь Мария искренне посочувствовала матери Хаима: в свое время Геневадел Рахиль Готлиб тщетно пыталась вести борьбу с возмутительным романтизмом сына.

- Никаких Изольд! Ни за что!

Он промолчал.

Мария не разговаривала с мужем почти до поступления в больницу. За годы их брака это была единственная серьезная размолвка.

Глава 2

Вещий сон

В маленькое родовое отделение стационара Мария попала одновременно с якуткой Майыис Васильевой, жительницей прилегающей к поселку деревни. Санитарка выдала им одинаковые байковые халаты. Женщины переоделись, посмотрели друг на друга и оторопели.

Мария едва не рассмеялась: Майыис можно было назвать Гретой Гарбо в азиатском исполнении, точно небесному ваятелю позировала одна и та же сменившая грим натурщица. Одного роста и сложения, примерно одного возраста, с неправдоподобно родственными чертами лиц, они вызвали изумление и у акушерки:

- Ну надо же! Прямо как родные сестры!

Больничную тишину не взорвали свирепые крики рожениц. У изнуренной схватками Марии не доставало сил, а Майыис не кричала из-за присущей женщинам ее народа выносливости. Зато дети оказались горластыми. Первым подал басовитый голос якутский мальчик. Спустя полминуты девочка, покинув

надсаженное недужными почками материнское лоно, заплакала сердито и на удивление громко для ребенка весом в два кило триста, словно спешила завоевать право кормежки из богатой молоком груди Майыыс. Мария выдавила из своих сосков лишь несколько капель молозива.

Вручая мамочкам наборы в бумажных пакетах с изображением ликующего младенца – по восемь метров яично-желтой фланели, марлевые салфетки и коробочки с тальком для предупреждения детской потницы, – медсестра торжественно провозгласила:

– Подарок товарища Сталина!

Лицо Майыыс благоговейно вспыхнуло. Она о чем-то спросила, и по тому, как развеселились окружающие, Мария поняла, что простодушную якутку заинтересовало, откуда Сталин узнал о рождении их детей.

– Всем такие дают. Товарищ Сталин считает своим долгом помочь каждой советской женщине, – снисходительно пояснила медсестра на якутском, затем перевела для Марии.

К вечеру за окном под чьими-то нетерпеливыми шагами заскрипел ранний снег. Возбужденно переговариваясь, у покрашенного белой краской окна палаты топтались двое мужчин.

– Стапан, – обрадовалась Майыыс и ткнула в себя пальцем, поясняя, что один из них – ее муж.

Второй начал насвистывать песню оруженосца Курвенала «Так вот, скажи Изольде ты...» из вагнеровской оперы.

Мария чуть приоткрыла форточку, и вместе со студеным дыханием осени в палату влетел газетный самолетик. С краю крылышка карандашные каракули Хаима оповещали от имени обоих отцов: «Завтра мы придем за вами. Спасибо, любимые!»

Отделение, пустовавшее в годы войны, теперь было переполнено, и долго рожениц в больничке не держали.

Майыыс уловила знакомое русское слово «спасибо». Ей не терпелось похвастать подарком вождя. Сияя, она высунула в оконную створку уголок государственной фланели и закричала громким шепотом:

- Стапан, эгей! Пасиба табарыс Сталин!

- О-о, Сталин! – донеслось снаружи, а следом возмущенный женский вопль:

- Подглядывать приперлись, извращенцы проклятые?! Ну-ка, марш отсюда! – это мужчин прогнала вышедшая вылить помой санитарка.

Ночью Марии приснился немецкий город Любек – не тот, куда она ездила с Хаимом незадолго до военных событий, а утонувшая в веках свободная столица союза Ганзы. Повторялся сон, привидевшийся однажды на рыболовном мысе. С обмирающим от дурного предчувствия сердцем Мария настороженно ступала по извилистым улочкам с темными зевами арок, разверстыми в колодезные дворы. Шла мимо окутанной хмельным паром пивоварни, мимо госпиталя с греющимися на солнечном крыльце калеками и старцами в полосатых казенных хламидах, мимо сказочной кирхи, за чей острый шпиль зацепился кружевной облачный подол... Шла в смятенном неведении до тех пор, пока шквал ветра, пропитанный марципановым ароматом знаменитой кондитерской Нидереггеров, не донес до слуха отдаленный рев и вопль толпы: «На Каак его! На Каак!»

Понимая во сне, что это сон, возвращенное памятью недоброе знамение, Мария хотела повернуть обратно, но тесные здания не пускали, все улочки кончались тупиками. По единственной дороге, распахнутой с глумливым гостеприимством, она в отчаянии побежала навстречу гвалту, похожему теперь на крики вороньей стаи, – к Рыночной площади, пестрым торговым рядам, к Кааку перед магистратом – меднолобой беседке с позорным столбом наверху.

«Ка-ак! Ка-ак!» – в жестокой радости скандировала толпа.

Сердце лопалось от горя, от невозможности отвести поджидающий впереди ужас, ветер шибал в лицо порывами приторного благоухания орехов и сахарной пудры, оглушительно свистел в ушах... Или то свистели и улюлюкали, выбивая преступнику глаза камнями, веселые горожане?..

Свист и карканье неслись отовсюду. Мария и сама закричала, не слыша себя в страшной какофонии звуков, в черном смерче, рухнувшем с неба. Визжащий вихрь подхватил, затянул куда-то ввысь, завертел над Кааком, не давая углядеть прикованного к столбу человека, пронес через входы ветра – сквозные окна в кровельной надстройке ратуши – и вышвырнул на твердь льдистого берега.

Стоя в клочьях тумана на коленях у края кипящей пропасти, Мария увидела, как проваливается в дымную воронку город-остров. Каленные огнем и солнцем, кирпичные ладони древнего Любека сдвигались в непроизвольном молитвенном жесте. Осыпалась брусчатая мостовая, зеленые берега каналов приближались друг к другу, мосты и арки надевались на шпили соборов с легкостью петель, нанизываемых на вязальные спицы... Медленно, медленно уходили в дремучую темь груды обломков красноглиняной кладки и многолюдный ганзейский порт, всасывая за собой бухту с флотилией груженных товарами заморских кораблей.

Не было сил отвести взгляд от выгнувшейся крутым луком площади, где все еще слабо маячил тупой деревянный срезень Каака, устремленный в вечность. Толпа захлебнулась потоками воды и щебня, не успев насладиться ни дозволенным прилюдным убийством, ни зрелищем человеческих страданий. Поднятое к небу невредимое лицо белело из глубины пятном прощального света, и орган церкви Святого Якоба вторил колокольному реквиему Мариенкирхе, сотрясая воздух над морем тяжкими брызгами финального аккорда...

Мария вдруг поняла, что мужчина приговорен к бессрочному наказанию за гордыню любви... и горячие пальцы горя окунулись во вновь открывшуюся рану под свежим рубцом. Душа Марии плакала, проклиная непрошениый, данный ей от природы дар предвидения, которым она предугадывала, но не могла предотвратить беду.

...К обеду следующего дня, когда женщин с детьми готовили к выписке, за ними явился один Степан. В ночную смену на Хаима обрушился штабель готовой, только что обожженной продукции. Прежде чем он успел ощутить ожог и боль, проломленное кирпичами ребро мягко, как нож в масло, вошло в ослепленное рождением дочери сердце.

Разбитое равновесие

Под керосиновой лампой кругло серебрились изящный игрушечный столик и два «венских» стульчика, искусно вырезанные из гибкого баночного железа. Кромки гнутых спинок и ножек были свернуты ювелирным кантом, чтобы острая жесть не поранила чьи-то нежные пальчики. Хаим любил красивые вещи... Перед глазами Марии в рамке с креповой лентой покачивалось его лицо, кружились граненый стаканчик с не успевшей испариться водкой, подернутая струпьями сухости кутья в блюде, ломтик хлеба, скукоженный сбоку, и окно, в котором качался пористый блин луны. Затем взгляд снова обегал окно с поминальной луной, хлебную дужку с края блюда, горстку засохшей кутьи, непраздный стаканчик, лицо Хаима в рамке восемь на одиннадцать сантиметров и спотыкался о витые ножки кукольной мебели. Некому было остановить этот пьяный хоровод, страшно видеть серое, безумными кругами плавающее лицо мужа. Мария перестала смотреть.

За чертой приглушенного нефтяного сияния таилась затянутая сумраком вселенская зыбь. В нее, как в пучину вечного моря, безвозвратно ускользали осколки опрокинутых дней. К ночи на стенах вырастали хищные тени, ожидая малейшего движения женщины, чтобы выкинуть длиннопалые руки и унести, и поглотить во тьме. Оцепеневшее тело пребывало в пограничье дремы. Потревоженным роем вихрились, жалили сны-воспоминания.

Литовский ветер рвал листву с ветвей печальной березы на заброшенном православном кладбище. Запахи свежей выпечки неслись из приоткрытых дверей – в пристрое молельного дома на улице Перкасу просвирня готовила хлеб... Чайки рассыпа?ли крикливую тоску над солнечным гарусом балтийских волн. Белые пески раздвигались пристанью прянично-баркового Любека, с купеческой думой о выгоде повернутого парадом изразцовых фасадов к гостевой стороне. Мелькали забавные фигурки моста Пуппенбрюкке – провожатые до ворот крепости Хольстентор. Между башнями-близнецами над въездной аркой блистал девиз свободного города: «Concordia domi – foris pax»[4 - «Равновесие в доме – мир вокруг» (лат.).]...

Призрачное эхо извлекало из ниоткуда чуть хриловатый от волнения голос: «...я выхожу в высокую дверь туда, где светло...». Остылая кровь Хаима тонким ручьем стекала в аморфное вещество памяти. Мария с невероятной отчетливостью чувствовала, как трудно, ветвь за ветвью отдираются вросшие в

ее живую плоть вены мужа, и, внезапно очнувшись от ощущения, что лежит головой на родной груди, в слепой надежде проводила рукой по постели. Наваждение гасло с немислимым, всегда по-новому чудовищным открытием – его больше нет.

Запрокинув голову, она падала на подушку, снова надолго замирая в полузабытьи, и оказывалась на берегу полярного залива, где кобальтовый вечер как две капли воды похож на кобальтовое утро. Здесь, в шеренге убогих юрт, с горьким сарказмом названной аллеей Свободы, обитали подобия людей с кофейными тенями вокруг глаз, независимо от пола и возраста уравненные во внешности и жребии. Еле передвигая ноги в обменянных на обручальное кольцо пимах, Мария замыкала шествие бредущих с работы «рохлядей», как называл переселенцев хозяин участка.

За порогом последней лачуги ее окутывало душное тепло с запахом тухлого рыбьего жира и того тлетворного, невыразимого словами смрада, которым несет от сгущенной человеческой нищеты. Мария утомленно извещала: «Хаима больше нет».

Бывшие соседи смотрели с вопросительным недоверием. Юозас, напуганный в детстве собакой, отвечал необычно длинно для привыкшего к немногословию заики: «Он не мо-ог уме-ме-мереть, за-завтра мы идем в мо-оре. Туга-арин велел под-подгото-овиться, подош-швы ва-валенок хорош-шенько пропи-питать смо-олой».

Мария спохватывалась, рассудок поправлял небрежную оплошность сна: Тугарин с милиционером Васей давно «вылечили» речевой дефект паренька, подвесив его вниз головой на Змееве столбе и напустив на него собак.

«Ты, наверное, ошиблась», – без запинок говорил Юозас в новой редакции недреманного сознания.

Витауте первой постигала правду. Взметывалась тощая косица, – девочка с плачем прижималась к матери. Нервная Гедре, прежде чем неистово разрыдаться, сверкала страдающими глазами и быстро, злобно бранилась на литовском. Во всех бедах, в гибели Хаима она привычно винила советскую власть, правительство, коменданта, змея-заведующего – кого придется...

Маленькому Алоису, пережившему всех своих сверстников на рыбацком участке, хорошо было известно, что такое смерть. Подпрыгивая на руках плачущей Нийоле, малыш понятливо кивал одуванчиковой головой: «Каим усол туда, где много нельмы[5 - Нельма – ценная промысловая рыба семейства лососевых, подвид белорыбицы.]».

Выйдя из бреда, Мария пожелала, чтобы люди, ближе которых для нее и мужа не было никого на диком Мысе Тугарина, сумели выстоять в беспросветных шахтерских забоях.

А грешная и святая пани Ядвига осталась в грезах. Она не сказала ни слова, но Мария чувствовала горячую боль ее сострадания.

Скоро в горьких снах рядом с покойной соседкой смутно, словно в цинготном тумане, начал проступать силуэт Хаима.

– Сво-олочь цинга-а, какая же ты сво-олочь, – пела старуха и, трубно чихая, высмаркивала из носа вшей. Иконописное лицо ее, цвета лиственничной коры от голода и старости, теперь излучало благодать – таким оно было, когда пани Ядвигу хоронили на холме. Перед смертью она простила всех, кого ей довелось ненавидеть за долгую жизнь проданной в бордель девочки, проститутки, хозяйки борделя и ссыльной. Пани Ядвига полагала, что и сама прощена Богом.

Сквозь дымку куриной слепоты Мария замечала на лице мужа то же умиротворенное выражение, словно, искупив загадочное предначертание, он освободился. Стал свободен по-настоящему, и она не любила это по-новому просветленное лицо – предательством чудилась обретенная мужем свобода.

До сих пор Мария была надежно защищена от внешнего мира любовью Хаима. Душа его, отрешенная от внешних воздействий настолько, насколько представлялось возможным при ТФТ и прочих спецпоселенческих издержках, окутывала жену бережным коконом заботы. Мария запоздало поняла, что муж с беспечным видом брал на себя большую часть ее повседневных трудов, несмотря на любую усталость, с осторожностью дозировал недобрые вести и, как угли в печи, раздувал крохи редких радостей... А она принимала это как должное или вовсе не замечала.

Вместе со смертью Хаима рухнуло искусственное равновесие, еле обретенное после потери сына. Марии предстояло самой налаживать контакт с миром, а искра не загоралась. В особенно невыносимые минуты хотелось помочь себе оторваться от натужного существования, но удерживали молитвы, упадок сил и стыд.

Испытывая душевную уязвимость как физическую боль, Мария мягкотело, безвольно погружалась в сумерки непрерывного отчаяния. Ее пугала близость сороковин, а о ребенке и обвальных проблемах быта она вообще боялась думать... Якутская женщина Майыыс взяла девочку на время большого горя овдовевшей матери.

Глава 4

Гарри

Солнечное, совсем не осеннее утро ломилось в окно. Мария не могла вспомнить, ела она вчера или третьего дня и топила ли вечером печь. Из коридора доносились обычные утренние звуки: повизгивание соседского щенка, плеск ручной мойки, торопливые голоса и шаги. В норе, свернутой из одеяла и телогреек, не осталось никакого тепла. Пар от дыхания в выстуженной комнате взвивался к потолку, будто дымок из печной трубы.

«Я жива», – удивилась Мария, испытывая странное чувство новорожденности и жарко прилившую к сердцу радость. Повернула к окну тяжкую голову: «Боже, как хорошо...»

Вещи прочно пристыли к своим местам, безумный хоровод остановился. Солнце пробило лунку в тонком инее, сквозь нее в барачную полумглу струился мир. Светлые слезы мира, стекая на подоконник, капали на пол. Черная тоска втянулась в мироточащую лунку и, понемногу иссякнув сумраком, вернулась прозрачной печалью.

Припухшие дремой веки вновь смежили в ресницах холодный воздух. Мария полежала немного, прислушиваясь к приятно поламывающей истоме. Странно,

что суставы до сих пор не заоченели, и зябкие мышцы, вместо того чтобы окаменеть в судорогах, нетерпеливо покалывает в ожидании движения.

Кризис миновал. Она воскресла для незнакомого бытия – без мужа, но с ребенком. Когда-то мысли о гибели сына едва не свели ее с ума, теперь думы о дочери востребовали вялую душу с неожиданной силой. Казалось, наблюдая депрессию жены из другого пространства и отчаявшись пробудить в ней угасающее желание жизни, Хаим сумел зажечь искру остатком своей энергии и подтолкнул от манящего необитания к новой тропе и свету.

Греясь у огня перед раскрытой печной дверцей, Мария грызла горбушку зачерствелого до древесной твердости хлеба, размоченную в чаговом кипятке, ела кисленькую, со свеклой, капусту – муж успел заквасить в лагушке[б - Лагушок – кадушка емкостью в два-три ведра.]... Хозяйственно, с будничной досадой на заводское начальство, думала: «Долг Хаима за дрова, конечно, на меня перебросили». Летом на субботниках жильцы барачников заготовили лес для себя и нужд предприятия. Деньги за вывоз и предоставление деляны бухгалтерия удерживала из зарплаты.

Вечером в незапертую дверь постучал и, не дожидаясь ответа, ввалился земляк по Каунасу и мысу Гарри Перельман, бывший напарник мужа в рыболовецкой артели. Забыл поздороваться, сел машинально на табурет у двери и, глядя куда-то вкось, вытер шапкой мокрое от слез лицо:

– Мария, меня снова выслали из Тикси... сюда на завод... Поставили на обжиг... только что узнал – вместо Хаима... Его нет... Как же так... я не мог поверить...

Гарри еще не научился плакать, потому что был молод.

...Семнадцатилетний юноша перешел на второй курс Каунасской консерватории, когда арестовали его отца, уполномоченного одной из литовских фирм. Гарри с матерью отправили на мыс в море Лаптевых, где мать скончалась от голода. Ледяная вода превратила руки музыканта в клешни. Он и такими играл на клавишных инструментах. Два года молодой человек преподавал пение, музыку и уроки этикета в морском порту Тикси, но в отделе спецпоселений в конце концов сочли, что враг не научит ничему хорошему. Больше всего сотрудников отдела возмутили уроки буржуазных правил поведения советским детям.

Продолжая всхлипывать, Гарри рассказал о судьбе отца. На запрос о нем официальные органы ничего не ответили. Позднее кто-то из знакомых, с кем Элиас Перельман находился в лагере Сысьва, разыскал адрес сына и написал, что по решению Особого совещания НКВД отец был казнен через полгода после начала войны. Местечко, в котором приговор привели в исполнение, по жестокой воле случая называлось Гарри...

Сообщение о собственном несчастье перебило новые слезы. Успокоившись, Гарри выпил кружку горячего чая и убежал, а спустя полчаса вернулся с сумкой, набитой банками американских консервов.

- Тут говяжья тушенка, свинина с чечевицей и - смотри! - абрикосы, - бормотал он, радуясь посветлевшим глазам женщины. - Мне ребята в Тикси целый мешок всякой еды собрали. К Новому году тоже пришлют. Праздники с омулевой строганинкой встретим. Тебе надо лучше питаться, дочку заберешь скоро...

Глава 5

Досье для вечности

Гарри позаботился о том, чтобы Мария окрепла. Горестные остатки декретного отпуска поглотила живая домашняя работа - побелка комнаты и шитье распашонок из батиста, купленного по «детским» талонам на госпособие, для дочки и сына Майыис. Теперь следовало выписать девочке метрику в поселковом совете и передать в комендатуру последние документы Хаима: медицинское заключение о смерти и справку спецпоселенца. Такой справкой - листом бумаги с фотографией в левом углу - снабжали каждого «социально опасного элемента». Эти удостоверения заменяли паспорта. Справки «ходили» только здесь, на ограниченной поселком и колхозом территории, а дальше их некому было показывать.

Оперработника на месте не оказалось, в кабинете отдела перед кучей бумаг за столом сидел начальник. Увидев Марию, он не поздоровался. Багровый от злости, размахивая журналом регистрации, закричал:

– Почему я должен узнавать от людей, что ваш супруг помер? Музыкант, спасибо, известил, ходатайствовал за вас – мол, не в себе вдова, лежит-болеет, погодите немного... Два месяца, между прочим, с тех пор прошло! Два месяца! В других местах спецпоселенцы еженедельно отмечают, тут мы и так чересчур лояльны! Я уж решил послать за вами – пожалуйста, придите для собственного же блага! Повезло, что проверки не было! А если бы нагрянула? А-а?! Вы чуть не подставили нас своей неявкой... своим саботажем! Вы понимаете, что я обязан наложить на вас административное взыскание за уклонение от учета? Подвергнуть штрафу или арестовать, причем не на пять, а на десять суток! Нет, вы вообще хоть что-нибудь понимаете?!

– Не надо арестовывать... У меня ребенок, – замямлила Мария. – Я действительно не могла... Может, написать объяснительную?.. Простите, прошу вас... Такое больше не повторится...

До нее только сейчас дошло: время потеряно, она сама потерялась во времени, не думала, что ее здесь ждет.

Офицер сообразил, что женщина вот-вот потеряет сознание, и, затухая, пробурчал:

– Мне известно о ребенке... Давайте сюда заключение. Успокойтесь, сядьте, вон стул.

Извлек из несгораемого шкафа знакомую Марии канцелярскую папку личного дела Хаима. В ней, с пачкой аккуратно подшитых протоколов, справок, анкет с ответами на множество бессмысленных на первый взгляд вопросов, хранилось довоенное письмо – тайный отчет «арийца английского происхождения» мистера Дженкинса, адресованный каунасскому руководству фирмы «Продовольствие», в которой когда-то работал Хаим. Там же находились литовский и русский переводы этого послания.

...Получив германское подданство и желая выслужиться перед новой «родиной», коллега-коммивояжер обвинил Хаима и переводчицу Марию в причастности к большевистской агентуре. Сметоновская[7 - Сметона Антанас (1874–1944) – государственный деятель, один из идеологов литовского нацизма, президент Литовской Республики (1926–1940).] полиция отправила бы «кремлевского резидента» в тюрьму, если б не вмешательство отца Хаима. Ицхак Готлиб

выкупил у следователя свободу сына. Жаль, что отправитель письма так и не узнал, как оговоренные им люди были ему потом признательны. Старый донос случайно помог Хаиму избежать отправки в советский лагерь для политических заключенных...

На поле мельком открывшейся первой страницы папки Мария с удивлением заметила жирно отчеркнутую красным карандашом приписку: «Хранить вечно». Справка спецпоселенца легла поверх справки о смерти и карточки учета.

Давеча в поселковом совете, пока секретарь выписывал дочкино свидетельство о рождении, Мария собиралась с духом, чтобы осведомиться у оперативника, можно ли ей забрать фотографию мужа со справки – к чему системе снимок врага, если с ним покончено? Теперь, виноватая, не дерзнула спросить у коменданта.

Неисповедимы пути чекистские... Не понять, исходя из каких потребностей органы внутренних дел с иезуитской дотошностью собирают в досье для вечности все бумажки, вплоть до врачебных отписок о болезнях. Из пунктуальности? Как доказательство вины ссыльного, дабы кому-то легче было, в случае чего, оправдаться?.. Нет, не понять.

Идя в поселок, Мария с благодарностью думала о начальнике. Встречаются и во власти хорошие люди. Не арестовал, скрыл оплошность «саботажницы», и проверяющие из Якутска в этот раз не приехали... Впрямь повезло. Но, когда показались первые сельские дома, она совершенно забыла о произошедшем в конторе, легко поплыла по тронутому морозцем воздуху, хмельная от его оживляющей свежести. Бездумно повторяла в такт шагам имя Майыыс – с ударением на первом слоге, хотя в якутских словах оно обычно ставится на последнем. Грубое «ы» в конце слова облегчала мягкая редукция: «Май-ис». Снег крахмально и празднично поскрипывал под ногами: Май-ис, Май-ис... Мария радовалась, что вышла из тягучего каменного забытья и муж где-то там, у себя, счастлив за нее. Закольцованная с Хаимом радость туго натягивала отвыкшие от улыбки щеки. Мир вокруг звенел, как молочные струи о дно цинкового подойника, сугробы искристо вспыхивали недавно отлитым серебром... Если у Майис есть корова, наверняка удастся договориться о молоке для ребенка.

Кроме распашонок, Мария несла благодетельнице серебряную ложку. Последнюю ложку из столового гарнитура, подаренного некогда золовкой Сарой. На Алтае и Мысе Тугарина Готлибы обменяли все мало-мальски ценные

вещи, захваченные с собой в ночь сборов при высылке из Каунаса. Еда и теплая одежда были нужнее... На память о Литве у Марии остались только янтарные бусы.

Глава 6

Семья кузнеца

Круглощекий сын дожидался своей очереди, чмокая в люльке сосцом, отрезанным с коровьего вымени. Аптечный пузырек, на который был насажен прокипяченный сосец, энергично дергался – Сэмэнчику нравилась подслащенная вода. Держа безымянную девочку у груди, Майис тихо дула на ее вспотевший лобик, помеченный углем домашнего очага, и огорчалась по поводу равнодушия кремлевских министров. Не озаботились большие начальники доложить товарищу Сталину о нехватке резиновых сосок в северном краю, иначе товарищ Сталин непременно распорядился бы добавить эти жизненно необходимые вещицы в подарки новорожденным советским гражданам. Трудно придется Марии с кормлением дочки.

– Огокком[8 - Огокком – дитячко мое (якут.). Буква «м» придает слову «огокко» (дитя) более нежный и собственнический оттенок.]... – Печально вздыхая, Майис расправила сжатый кулачок девочки и с наслаждением принюхалась к младенческому запаху. Полюбовалась тонкими завитками за ушками, длинными ресницами, начавшими густеть...

Как оторвать от ребенка свое неразумное, успевшее прикипеть сердце? С помощью мужа Майис выучила сложно произносимые чужие слова и не раз мысленно обращалась к русской женщине: «Моя хоросо, молоко-сиська есь, корми есь. Дай огокко моя дом. Пасиба».

Майис, конечно, не осмелилась бы это сказать. Просто мечтала. Степан тоже был бы рад удочерить девочку. Но кто б согласился отдать такое славное дитя! А мать малышки, похожая на Майис внешне, наверное, и характером с нею схожа. Как бы тяжело ни пришлось, ни за что не отдаст.

Впервые столкнувшись с Марией в больнице лицом к лицу, Майис испытала укол пронзительного испуга. Показалось, что стоит перед зеркалом, волшебным образом искажившим ее лицо и волосы: вместо черных глаз – синие, а волнистая коса взметнулась вокруг головы огнем и дымом. В рыжих, как беличий хвост, волосах Марии распушились ранние седые пряди...

Все, кто видел женщин рядом, удивлялись: «Сестры-двойняшки!» Степан тоже сказал: «Из одной формы, будто серьги белого золота[9 - Белым золотом якуты называют серебро.], вас отливали».

От внезапной мысли о том, что Мария, возможно, станет долго горевать по мужу и не скоро явится за дочерью, Майис содрогнулась и отругала себя: «Ой, нет, нет! Пусть скорее выздоравливает!» Отмахнулась, отгоняя вредоносных духов, нашептавших дурное, и тут в дверь кто-то постучал...

Приход ожидаемой гостьи обрадовал и в то же время огорчил хозяйку. Быстро перепеленав детей в нарядную «сталинскую» фланель, она высунула голову из-под пестрой веревки из конского волоса, унизанной крохотными туюсками. Во время летнего праздника ысыах[10 - Ысыах – кумысное торжество, от слова «ыс» – «кропи», «брызгай», отмечается во второй половине июня. В старину к этой поре накапливалось необходимое для отправления празднества количество кобыльего молока, и якуты готовили кумыс. Во время главного праздничного обряда в честь богов и грядущего плодородия жертвенным кумысом окропляли огонь и землю. В советские годы «праздник с духами» не приветствовался и его справляли негласно либо под видом праздника, посвященного лету. Вновь начали повсеместно отмечать в 90-е годы. Теперь ысыах – самый большой и любимый национальный праздник в Якутии.] такие веревки с символическими подношениями добрым духам якутский народ протягивает на счастье между березками.

– Дороо?бо[11 - Дорообо – якутская интерпретация слова «здравствуй».], Марыя-балты?м[12 - Балтым – сестренка (якут.).]!

Мария едва не вскрикнула – навстречу ей угрожающе растопырились агатовые когти засушенной медвежьей подошвы, подвешенной сверху перед берестяной люлькой.

Степан объяснил, что дух «лесного старика», как называют медведя якуты, оберегает малышей от детских болезней. Ступня зверя мягко пружинит на мху, обтекает сухие ветки подушкой лапы и глушит треск. Так же, не пугая дитя, лапа бесшумно, но тяжко наступает на руки демонов, тянущиеся к ребенку со всех сторон. Злыдни обращаются в бегство и оповещают остальных о грозном младенческом обереге.

– Духи нету, духи – непрабда, – стыдливо улыбнулся Степан. – Оннако так нада, старик охранят ребята, тогда ребята нету болеть.

Сытые дети тихо сопели, лежа в люльке валетом. Марии, два месяца назад убитой страшным известием, было не до ребенка, а тут не поверилось, что кроха, которую запомнила горластым краснокожим лягушонком, так сильно поправилась и похорошела. Светлое личико обрамляли кудряшки собольего цвета, легкая Хаимова ямочка виднелась на подбородке. Носик был в меру тонок и длинен, но с намеком на горбинку...

Свидетельство принадлежности к древнему народу, столь нежелательное в прямоносом арийском мире, заставило Марию вздрогнуть. Видит ли Хаим «оттуда», как дочь похожа на него и как далека она от вагнеровской Изольды?.. Белокурый мальчик, их потерянный сын, – вот кто напоминал скандинавского принца. Только темные глаза его были чуть приспущены к вискам. Верхние ресницы, соединяясь с нижними, придавали взгляду легкую томность и характерный отблеск вечной семитской скорби...

А какого цвета глаза у дочки?

Коллебясь и мешкая, Мария отошла от люльки. Пусть ребенок спит.

Хозяйка с восторгом поохала над подарками и захлопотала у стола – налила чаю с молоком, настрогала в деревянное блюдо мерзлую жеребьячью печень.

Мария привыкла к рыбьей строганине на промысле. Припрятанную и с риском для жизни принесенную домой рыбу во избежание разоблачения часто ели сырой. Бело-розовая плоть ее пахла с мороза огурцовой свежестью, смотрелась аппетитно, как и должно выглядеть деликатесу, а тут было нечто другое, сомнительное на вид, – суриковые стружки со свинцовым налетом изморози и железистым, нутряным запахом крови.

– Есь, есь, нету бойся, – угощала Майис, угадав сомнения гостыи. – Кулу?н[13 - Кулун – жеребенок (якут.).] хоросо, кулун скуснай!

Мария с опаской прикусила тающий в пальцах коричневый лепесток. На вкус печень оказалась чуть сладковатой и чем-то ностальгически напомнила сочную мякоть маринованного говяжьего языка.

– Надо же... очень вкусно.

Майис подвинула ближе тарелку со щедро наломанными кусками пресной якутской лепешки-лабыры?к.

– Тоже вкусно, – попробовала Мария. – Это зерна? Сначала подумала – орехи! Как вы такие лепешки печете? Мне бы рецепт узнать.

Хозяйка беспомощно оглянулась на мужа. Гостыя повторила вопрос.

– Моя не пекла, – отрицательно качнул головой Степан, сидящий у печи с каким-то задельем. – Майис лабырык пекла.

– Научите меня?

– Моя не могу, Майис делай лабырык там, – он ткнул пальцем в печную плиту.

– Так я у Майис и спрашиваю, – удивилась Мария и наконец догадалась, что хозяева не поняли обращения на «вы». Демократичное «ты» остается у якутов неизменным в любых ступенях отношений.

Смущенно прихлебывая забеленный молоком чай, она не решалась справиться о том, что волновало ее больше всего. В просторном дворе Васильевых Мария не заметила хлева.

Редко кто из колхозников держал скот. Себе дороже выходило из-за высоких государственных сборов. «Коровьих» усадеб в деревне было по пальцам пересчитать, поэтому за литровую банку молока, если еще повезет столкнуться, хозяева требовали двадцать рублей. Впрочем, столько же,

говорят, он стоил и в продуктовых точках Якутска, хотя закупщики в погашение сельскохозяйственного налога забирали часть надоенного по цене меньше рубля за литр. В местном магазине молоком почему-то вовсе не торговали.

Майис словно почувствовала мысленные метания гости и сообщила:

– Стапан искал молоко купит-продать!

Оказалось, Степану удалось договориться с владельцами дойных коров. После сдачи поставок у них оставалось целое ведро молока. Проникшись бедственным положением вдовы с «кирпички», они условились продавать ей два литра в день всего за четыре рубля. Почти даром!.. К тому же выяснилось, что эти сердобольные люди живут на краю села возле заводского околотка.

У Марии камень с души свалился. А сюрпризы на этом не кончились! Майис приготовила девочке роскошное приданое: берестяной рожок для кормления и девять бесценных по уникальным свойствам подгузников – лоскуты тонко выделанной жеребьячьей шкуры.

Ворс на ощупь был изумительно мягким. Влага, пояснил Степан, не утяжеляет шерсть северных лошадей – волоски ее полы и воздушны. Стирка меховым подгузникам не требовалась, они быстро отчищались и высыхали, а чтобы запах выветрился, достаточно было подержать их на морозе.

Подарила Майис и аптечный пузырек с коровьим сосцом:

– Один, дба три день ына?х[14 - Ынах – корова, здесь – коровью (якут.).] сиську чай кидай, мала-мала кипит, огокко молоко корми. Потом сиську ыт[15 - Ыт – собака (якут.).] кидай, ыт ам-ам.

Мария сообразила: пока ребенок не приноврится к рожку, можно прикармливать из сосца, слегка прокипятив его, а по истечении трех дней выбросить сосец собакам. Растроганная, она не знала, чем отблагодарить Майис, и предложила научить ее русской грамоте.

– Оголо?р[16 - Оголор – дети (якут.).] болсой дба, три год – соло?[17 - Соло – свободное время, досуг (якут.).] есь, пасиба, – согласилась та.

Степан ухмыльнулся:

– Грамотная баба, да? До ночи книга читай, потолок плюбай? Лабырык не пекла, обед нету, печка холодной, моя – голодная! Э-эх, онако, Майис клуб отдам! Другой, неграмотная баба домой беру!

Мария, смеясь, заметила, что он неплохо говорит по-русски, и Степан посерьезнел:

– Была один русской дого?р[18 - Догор – друг (якут.)]....

Веселая тарабарщина Майис, приправленная выразительными жестами, придавала общению особый колорит. Куцый русский словарик ее заметно расширился. Чуткая к языкам, Мария радовалась и своему подзабытому свойству с ходу запоминать значение и произношение новых слов.

Женщины разговорились. Удивляясь тому, что слезы уже не саднят, а успокаивают сердце, Мария вспоминала о Хаиме.

– Понимаешь, Майис, он ни перед кем не склонял головы. Даже если кто-то пытался его унижить, не было такого, чтобы сам он унижился до ненависти, до брани в лицо, а тем более за спиной. Люди чувствовали в нем непоказную гордость и уважали в Хаиме редкую душу, Майис, правда... Он уверял меня, что несчастья не способны убить человека, пока человек сам не начнет верить в их силу. Хаим и смерти не боялся. Оставить меня одну – вот единственное, чего он боялся. Но ушел и оставил... Наверное, нельзя быть счастливым вопреки всему, а он был счастливым, он обнимал теплом каждого, кто жил рядом с ним, и, кажется, не задумывался о своем даре...

Мария говорила и говорила, больше для себя самой, слова приносили облегчение, растворяли горе... Но Майис слушала внимательно и несколько раз кивнула: «Да, да-а...» Опасливо оглянувшись на Степана, она и сама рассказала о том, как сбылась их главная с мужем мечта.

Супруги жили вместе с юности и почти уже смирились с бездетностью, а тут соседка посоветовала Майис сходить к шаману. Старик дал ей секретное снадобье, изгоняющее беса бесплодия, и велел пить каждый день перед сном. Узнав об этом, Степан рассердился: шаманы – вредители, варят какой-то опиум

для народа, вдруг Майис отравится?! Она все равно украдкой продолжала пить капли и понесла. Муж перестал злиться, только запретил упоминать вслух имя знахаря...

Майис вздохнула с потаенной печалью. Степан стыдится верить в духов, ведь он – передовик, и незадолго до Отечественной войны ездил на Всесоюзный съезд колхозников-ударников в Москву. Собственными глазами видел великого товарища Сталина, который подарил детям такие хорошие пеленки! А в войну округа не могла остаться без кузнеца, и Степана не пустили на фронт.

– Пронт нету, Стапан – уус[19 - Уус – мастер (якут.)].

– Моя хотела на пронт, – буркнул Степан.

– Ок-сиэ[20 - Ок-сиэ – ироническое междометие (якут.)], – подбоченилась Майис. – Погибай храброй смерт? Огдо? пылаття памят нету?

Мария поинтересовалась, что значит «огдо пылаття», и Степану, слово за слово, пришлось вспомнить старую историю о том, как в Гражданскую войну его спасло от смерти платье Огдо, младшей сестры.

Власть в селе в то время беспрестанно менялась. Оставшись после смерти отца за старшего в семье и кузне, Степан, бывало, помогал красноармейцам – подковывал им лошадей, чинил ружья и ремонтировал повозки. А однажды осенней ночью село заняли белобандиты, и атаман велел привести к нему кузнеца Васильева, по слухам, сочувствующего красным.

Мрак за окнами и в юрте стоял кромешный, камелек потух. Посланные за мастером бойцы, страшно крича, раскидывали лежанки и лавки. Перепуганная мать не сумела зажечь лучину и в спешке сунула сыну одежду, какая попалась под руку. Степан натянул штаны, тесную рубаху братишки Митрея, торбаза не стал искать.

«Как пойдешь босой?» – заплакала мать.

«Не понадобятся мертвому торбаза», – гоготнул кто-то из непрошенных гостей...

В доме, где разместился штаб, горела свеча. Главарь всмотрелся в арестованного и как завопит: «Я вас за ковалем Васильевым отправил, а это что за чучело?!»

Степан и сам тихонько охнул – «рубаха» оказалась пестрым платьем сестрицы Огдо! Подол вывозился в лужах, ноги в грязи... Парень не растерялся, решил повернуть конфуз себе на пользу и закосил под дурачка.

«Васильев?»

«Васильев».

«Кузнец?»

«Коров я пока пасу, но скоро ковать буду, а кузнецом отец мой был, да помер недавно».

«Красные в деревне есть?»

«Да, есть, вчера баба Анныска, хозяйка комолой буренки, красного[21 - Красным (ребенком) якуты называют новорожденного.] принесла».

«Откуда?» – не понял атаман.

«Стесняюсь сказать...» – Степан потупился и завозил грязной ногой по полу.

Толмач, дословно переводивший допрос, не выдержал, рассмеялся, а с ним те, кто смыслил по-якутски.

Как бы ни был атаман раздосадован, и он захохотал, когда ему разъяснили, в чем дело. Приказал дать слабоумному розог и отпустить восвояси...

Высекли Степана добросовестно, еле домой приполз. Зато живой! Не повесили.

– Люди моя «краснай огокко» имя дала, – улыбнулся он.

Майис скорбно качнулась:

– Собескай бласть нету пасиба, на тюрма сади Стапан!

– За что? – удивилась Мария.

С досадой зыркнув на жену, он пояснил:

– Моя хотела убибай краснай командир.

...Случилось так, что недоглядел Степан за двенадцатилетним братишкой Митреем. В округе утвердилась советская власть, однако продолжались набеги белобандитов, к которым ушел сосед. Для борьбы с бандой прибыл отряд красноармейцев, и сын соседа уговорил Митрея бежать в тайгу, предупредить отца.

Они не успели, кто-то донес. Сестрица Огдо вплавь добралась через протоку на остров, где старший брат готовил шалаш к предстоящему покосу. Известила о беде, но Степан опоздал. К его возвращению ребят уже расстреляли на пустыре за сельсоветом, несмотря на то, что в пытках они во всем признались. Отряд тронулся брать банду.

Догнав красноармейцев, Степан наставил ружье на командира, а выстрелить в человека не сумел. За покушение на жизнь красного офицера юному кузнецу дали небольшой срок с учетом заслуг перед советской властью...

Степан хмуро уставился на мерцающие языки огня в открытой печи.

– На тюрма был хоросай челобек Юрий. Он учил мне русского ясыка.

Социал-демократ Юрий не только языку учил, но и давал сметливому сокамернику своеобразные уроки философии и политической грамоты. С какими-то доводами меньшевика кузнец не согласился, какие-то заставили его размышлять о мире и власти. Эти думы сильно поколебали наивные представления о новом государственном строе в стране.

Степан жалел, что не хватило времени на изучение русского алфавита. Выйдя из тюрьмы, он за год прошел программу трехклассного якутского ликбеза[22 - Письменность появилась у якутов в 1922 году. Алфавит вначале состоял из латинских букв, а незадолго до войны их заменили кириллицей, только в написании тех звуков, которых не было в русской речи, буквы остались латинскими.]. Не безоглядно стал относиться Степан к некоторым установкам руководства, и центрального, и местного. Вслух он своих соображений, разумеется, не высказывал и старался в разговорах не касаться политики, а тут вдруг пронизательно взглянул на гостью:

- Бласть слал сюда люди с Ленинград, с другой мест... Ты с какой мест?

- Я из Литвы. Нас с Хаимом переселили на Север потому, что он - еврей, - ответила Мария, не задумываясь, и поспешила поправить: - Мы были признаны социально опас... неблагонадежными.

Степан коротко кивнул:

- Браг народа.

- Ябрей - нассия? - спросила Майис.

- Да, евреи - нация...

Майис заявила:

- Люди нет нассия!

- Как это нет, Майис? На земле очень много национальностей...

- Нету многа! Нуу?ча[23 - Нууча - русский (якут.)], саха?[24 - Саха - самоназвание якутов.], ябрей, немес - нету! Люди дба нассия - хоросай люди, плохой люди! - И для пущей убедительности Майис воинственно выкинула пальцы в латинской V.

Глава 7

Благодаря и вопреки

Мария работала в дневную смену. Кроме того, ей разрешили бегать домой кормить дочку, пока той не исполнится четыре месяца.

– А там посмотрим, – уклончиво сказал начальник цеха.

Лицо Изочки рано освободилось от остаточных эмбриональных признаков. Ресницы потемнели, обнаружился ясный, вразлет, рисунок бровей, отчетливее проявилась отцовская ямочка на подбородке. Горбинка на носу, напротив, начала сглаживаться. Синие, как у Марии, глаза позже обрели такой необычный ультрамариновый оттенок, что начали, к беспокойству матери, привлекать чужое внимание. Сочетание светлых глаз и локонов цвета блескучего собольего меха приводило в восторг Гарри Перельмана. Когда он восхищался слишком бурно, отчасти из очевидного желания польстить, Мария едва сдерживала суеверный позыв постучать по дереву.

Общительный и, несмотря на тяжелую работу, всегда чем-нибудь воодушевленный, музыкант быстро обзавелся друзьями, а в выходные дни посещал репетиции самодеятельного оркестра национальных инструментов в колхозном клубе. К Марии навещался непременно с авоськой купленной у сельчан картошки. Расхаживая по комнате с Изочкой на руках, с упоением рассказывал о музыкальных способностях якутов:

– Представляешь, они имитируют на хому?се[25 - Хомус – якутский варган.] любые таежные звуки – от шелеста листьев до птичьих трелей! А какие прелестные импровизации получаются у них из звучаний времен года – подлинная природная музыка!

Пили чай с лепешкой из грубомолотой муки с зерном, испеченной по простому рецепту Майис. Мария замешивала на воде крутое тесто, быстрыми движениями расправляла его прямо на горячей, не докрасна, плите, присыпая сверху солью, и переворачивала.

Приглушенным голосом, ломким от боязни спугнуть удачу, Гарри говорил о возможном его переводе в Якутск руководителем созданного недавно хора Национального радиовещания. Из-за нехватки специалистов руководство Министерства культуры ЯАССР согласилось с доводами организаторов коллектива и обещало похлопотать о продвижении перспективного молодого спецпоселенца.

Он часами готов был говорить о музыке, консерватории, Каунасе и радовался, как мальчишка, если у них с Марией обнаруживались общие каунасские знакомые. Вспоминали мыс, заведующего Тугарина, милиционера Васю, Змеев столб и связанные с ним события, перебирали одно за другим имена обитателей аллеи Свободы. Не сговариваясь, обходили молчанием дорогих покойников – оба болезненно относились к сокровенной памяти.

С потаенной надеждой, шепотом на всякий случай, гость пересказывал витающие среди ссыльных слухи о вероятных переменах в их положении.

– Сняли ограничения с кулаков, постановление вышло... Открепили с учета...

– Так не нас же, врагов народа, освобождают, а мироедов, – усмехалась Мария.

Она не верила позитивным прогнозам. Вряд ли скоро условия жизни «опасного контингента» изменятся к лучшему, скорее наоборот. Ее больше волновали начавшие почему-то возрастать продуктовые цены. Хорошо, что Хаим заквасил осенью капусту и собрал бруснику. Полный ящик мороженых ягод Мария поставила под замок в общем сарае...

На завод с тематическими лекциями зачастили райкомовские лекторы. У «авангарда партии», как они величали рабочих, появилась возможность отдохнуть в разгар трудового дня по уважительной причине. Начальники цехов терпели «болтологические» мероприятия, бессильно скрипя зубами. Райкомовцы вещали о триумфе социалистического строительства, громили продажный Запад и призывали бороться с безродными космополитами. Марии чудилось, что все оглядываются на нее, хотя о давнишней ее поездке с Хаимом в немецкий город Любек никто не знал.

Одна лекторша сравнивала жизнь женщин в Советском Союзе и за рубежом:

– Благодаря заботе партии и правительства, благодаря лично товарищу Сталину наши женщины смотрят вперед с оптимизмом. Повсеместно у нас строятся ясли, детские сады, женские амбулатории. Широкое участие тружениц в государственных делах страны представляет огромную роль, недаром товарищ Сталин говорит, что «...женщины – большая сила, и держать ее под спудом – значит допустить преступление. Наша обязанность состоит в том, чтобы выдвигать вперед женщин в колхозах и пустить эту силу в дело». Между тем на земном шаре много стран, где женщина не только не мечтает о политических правах, но где ее тяжкая, унижительная жизнь постоянно находится на краю гибели. Например, в Англии большинство женщин вынуждены рожать дома из-за непомерной стоимости медицинских услуг. Негритянки в Америке за равный с мужчинами труд получают четверть оплаты, вынуждены работать с утра до ночи и не могут обеспечить своим детям ни воспитания, ни защиты от возможного линчевания. В Египте, где впервые появилась письменность, грамотного населения всего тридцать процентов, причем девушкам высшее образование почти недоступно: так, из десяти тысяч ста семнадцати египетских студентов, зарегистрированных в прошлом году, оказалось всего чуть более пятисот девушек. Голодающие женщины Туниса страдают из-за отсутствия молока, отчего третья часть детей не доживает до двухлетнего возраста. Ежечасно в Индии от негигиенических родов гибнут двадцать женщин, и около десяти миллионов детей в год умирает от недосмотра, голода и заразных болезней.

«Десять миллионов!» – ужасались зарубежной статистике слушатели, не в силах постичь умом запредельное число.

«...от недосмотра! ...недосмотра!» – крутилась в голове Марии заезженная пластинка. За дочкой приглядывала чокнутая старуха-соседка.

Легкое помешательство няньки было не опасно, но однажды Мария случайно застала ее за исполнением похабных частушек над Изочкой и была потрясена до глубины души: бабка каркала их, закатываясь совершенно сумасшедшим смехом. Службу она, тем не менее, несла исправно. По часам кормила дитя подогретым молоком из берестяного рожка, в остальное время по старинке совала вместо пустышки тряпичную закрутку со смоченным в молоке кусочком лепешки. Мария мирилась с фольклорным безумством старухи и варварскими закрутками, лишь бы ребенок не плакал.

Вскоре Гарри Перельмана официально пригласили руководить хором радиовещания. Музыкант уехал в Якутск, оставив Марии полмешка присланной

из Тикси еды.

В воскресенье, закутав дочку в одеяло и телогрейку Хаима, Мария отправилась к Васильевым с подарком – тремя банками американских сардин. Хозяева обрадовались так, будто только что ждали в гости. Соскучившаяся Майис принялась, воркуя, тетешкать Изочку, Степан выставил на стол блюдо с вареными карасями. С интересом повертел красивые гостинцы, разглядывая рисунок на боках банок, а когда попробовал консервированный деликатес, удивился:

– Сачем американ рыба спортил?

Майис педагогично нахмурила брови, и Степан, спохватившись, похвалил:

– Хоросай сардин... Силно голодной челобек, оннако, хоросо есь рыба с банка.

Пресекая протесты Марии, Майис доверху набила ее сумку мороженым жеребьячим мясом:

– Исэська не голодай! Есь нада, болсой, тостый нада!

Мяса хватило надолго. Перед сном бульон заменял Изочке молоко, после него она крепче спала...

Ополоумев от одного лишь мясного запаха, вечно голодная нянька пустила по подбородку слюну. Мария выделила старухе изрядный кусок с мозговой костью для супа, а дома невестка живо прибрала подарок к рукам и сварила суп детям. Они выхлебали жижу до капли, съели мясо до волоконца. Воющую в углу свекровь невестка с досады слегка тюкнула по лбу набело выскобленным мослом. Сына старухи убили на фронте, и женщина полагала, что ничего ей не должна.

Геройская гибель мужа давала солдатской вдове, уборщице в начальственных кабинетах, право испытывать чувство праведного презрения к заводским рабочим, в основном экам и переселенцам. На приветствие Марии соседка отвечала сквозь зубы, и то лишь из-за приработка бесполезной в быту свекрови.

Бабка, ослабевшая от несправедливости невестки и жизни, на другой день уронила Изочку на пол. Ребенок отделался синяком на ягодичке, но Мария отказалась от услуг немощной няньки. Доверять ей дочь она уже не могла, да и часть трудно добываемой пищи была, таким образом, спасена от истребления.

Глава 8

Первичность тепла

Мария засветло растапливала печь и кормила девочку остатками вчерашнего ужина. Целуя прохладные пальчики, цыплячью шейку, пеленала так, чтобы дочка не раскуталась, и укладывала набок в коробку из-под папирос «Север». В сгущенных пластах тумана мчалась с бидоном к первым колхозным домам. Не успевая прокипятить молоко, ставила бидон на подоконник, ближе к заросшему инеем стеклу, и уносилась на работу.

В обед бежала домой стремглав, скрестив под грудью руки. Под телогрейкой глухо постукивали стащенные на обжиге куски кокса в мешке. Мария боялась встретить кого-нибудь из знакомых – вдруг да заподозрят неладное по непомерной пышности ее бюста. Она воровала уголь, отчаянно подавляя привитую с детства брезгливость к тому, чтобы брать чужое. Трусилась и торопилась, но все равно озиралась по дороге и где палку подбирала, где – сухую ветку...

Страх перед холодом в ссыльных, познавших вечную стужу арктического моря, был так силен, что преодолевал запрет «не укради». Даже спустя годы, живя в теплых краях, они не могли избавиться от привычки осматриваться по сторонам в поисках возможного топлива.

Алчная печь поглощала поленья, как хищник мясо. Подбрасывая уголь в остывающее жерло, Мария всякий раз дивилась дальновидности мужа. За день до смерти Хаим пристроил в печи колосники для отсева прогоревшего шлака, словно предвидел, что жене придется использовать кроме дров уголь.

Выход тепла из трубы перекрывался заслонкой. Не до упора – горящий уголь выпускает угарный газ, но все равно в воздухе каморки витал едва уловимый запах отравы. Мария закладывала в ушки девочки ягоды размороженной брусники – народное снадобье против угара. Растерев затекшее тельце ребенка кусочком жеребьячьего жира, она мелкими порциями согревала молоко в защечной болтанке и, стараясь не пролить ни капли, вдвухала жизнь в раскрытый по-птичьему ротик...

Летом барак, стоявший в болотистой низине, разбух от сырости. Мария сняла с окна вторую раму, надеясь, что комната хоть немного будет проветриваться. Тогда, несмотря на тщательно промытые карболкой стекла, в мельчайшие оконные щели стали проникать мухи и комары. Кто-то посоветовал повесить вместо шторок нарезанные лентами газеты, покрытые растопленной еловой смолой. Эти кладбища насекомых быстро превращались в мохнатые шарфы. Мария меняла липучки, как только удавалось сбегать в лес за смолой.

Но куда страшнее были нашествия грызунов. От шумного ночного писка и шебуршания у женщины заходило сердце. Не раз проносились слухи, что крысы то ли в Якутске, то ли в какой-то деревне объели лицо и ручки младенца, оставленного в одиночестве. Тварей могла приманить к Изочке тряпично-лепешечная закрутка, к которой девочка привыкла, как к пустышке, поэтому Мария, уходя, настораживала вокруг тахты мышеловки-плашки. Вечерами в комнате охотился одолженный у соседей кот. Возня в углах прекратилась, когда жильцы, измученные бессонницей, додумались рассыпать в подполе толченное со стеклом и ядом зерно.

Опасаясь всяческой заразы, Мария до бумажной белизны выдраивала песком половицы, протирала тахту керосином, отпугивающим клопов. Керосин считался универсальным средством. Кроме дезинфекции, его применяли для лечения педикулеза, язвы желудка и простуды. Стоило закутать шею смоченной в керосине тряпкой и потерпеть ночью щиплющую боль, кашля наутро как не бывало. Но керосином изгоняли простую ангину, а лекарств от инфлуэнцы не имелось никаких, и накатывающие с запада эпидемии уносили десятки детских жизней каждую осень и весну. Не так давно инфлуэнцу начали называть гриппом – по имени вируса, вызывающего эту болезнь. По слухам, противогриппозные прививки плохо защищали, да и ставили их детям только в Москве, далекой, как чужая планета.

В журнале «Работница» Мария вычитала рекомендацию почетного академика Николая Федоровича Гамалея и по его рецепту смазывала ноздри дочки пеной хозяйственного мыла для профилактики от гриппа. Девочка сопротивлялась, чихала и плакала, зато ни разу не заболела. Привязанная веревками к тахте, она до прихода матери целыми днями возилась с креплениями, тщаь развязать хитроумные узлы.

Свой первый день рождения Изочка отметила тем, что ободрала поздно взошедшими зубками закрутку с рассосанным кусочком лепешки и проглотила гущу вместе с лоскутками.

В выходные дни на печке в жестяной ванне таял снег для мытья и стирки. Мария гладила, и в комнате становилось жарко, влажно; вкусно пахло занесенным с мороза бельем и волглой известью. В отверстиях чугунного утюга глазасто горели красные угли. За верхнюю планку оконной рамы цеплялась бровь месяца. Выкатывались на лунную дорожку сквозистые ежи перекасти-поля и одинокими бродяжками двигались поперх сугробов в безвестную даль. Мария снимала с коронки керосиновой лампы стеклянный колпак, до скрипа отчищала его от нагара ветошью и зажигала язычок фитиля в выпуклом гнезде...

Если бы Изочка умела говорить, если бы знала о существовании меда, она бы сказала, что тепло – цвета чая с гречишным медом. Чайно-медовый свет матовой лужицей растекался по поверхности стола, сиял в прозрачных камешках янтарных бус на шее мамы. В сумерках вокруг лампы мельтешила мошка, неизбежная во всегдашней сырости барака. На низком потолке, на фоне отраженного света, их волшебная пляска напоминала новогодний дождь конфетти.

Мария тихо пела литовскую песню о рождении янтаря.

Нет спокойствия в Балтийском море,

Там живет жестокий царь Пяркунас,

Борода Пяркунаса в ракушках,

А душа Пяркунаса гневлива...

Изочка разглядывала склоненное над нею лицо – стрелки ресниц в тенях голубоватых подглазий, округлые ноздри, бледный овал подбородка и сложенные мягкой трубочкой, словно приготовленные для поцелуя, губы. Каплями сгущенного тепла светился янтарь, вспыхивали искры золотистых прожилок. Тонким акварельным мазком на изгибе маминого предплечья лежал завиток выпавших из прически волос, плавный силуэт переходил в изломанную тень на беленой неровности стены...

Эту почти библейскую картину своего барачного младенчества Изочка запомнила на всю жизнь.

Глава 9

Без права на родину

После реабилитации кулаков контроль за соблюдением режима ограничений неожиданно ужесточился. Спецпоселенцев вызвали в комендатуру, и начальник зачитал Указ Президиума Верховного Совета СССР о том, что они останутся в пунктах жительства, определенных государством, «...навечно, без права возврата».

Власти, объяснил офицер, вынужденно приняли необходимые меры из-за участвовавших побегов. На поиски беглецов были посланы оперативно-розыскные отряды.

– Не сомневайтесь, найдут всех! – гремел он, расхаживая перед подопечными в новых, начищенных до зеркального блеска сапогах. – За самочинный отъезд виновники будут наказаны двадцатью годами каторжных работ! Мы тоже получили команду об усилении охраны и должны полностью исключить возможность побегов! Каждого нарушившего указ отныне ждет каторга!

Кто-то громко разрыдался.

– Почему бы вам просто не уничтожить нас? – слышался возглас. И словно шлюзы открылись:

- Разве этот указ - не уничтожение?!

- Подло лишать людей родины!

- Лучше умереть, чем никогда ее не увидеть!

- Расстреляйте нас, повесьте!

- Убейте, убейте нас!

- Молчать! - рявкнул комендант, и подучетные, онемев, в страхе прикрыли влажные глаза.

Погибла мечта когда-нибудь вернуться на родину. В тяжелой тишине скрипели начальственные сапоги, потрескивали под тяжелыми шагами доски половиц. С подавленным плачем и хрустом вколачивалась в вечную мерзлоту робкая надежда.

- Подойдите и распишитесь, что вы ознакомлены с указом...

На другой день приехавший из Якутска полковник выступил перед рабочими на заводе. Просил сохранять бдительность, потому что враг не дремлет и, как только замечает расслабленность советских людей, тотчас порывается навредить социалистическому строю. Рассказал, будто месяц назад на одном из важных якутских объектов был разоблачен западный агент, нанявшийся сторожем. Его удалось поймать за руку, когда он, открыв отмычкой кабинет директора, собирался похитить ценные документы.

- Вы можете работать с таким шпионом бок о бок, разговаривать с ним, полностью доверяя ему, и не догадываться, что это за человек. Но едва оборотень обнаружит вашу беспечность, он начнет свою провокаторскую пропаганду, порочащую нашу жизнь, и вы сами не заметите, как окажетесь втянутыми в антинародные действия.

Ответив на вопросы, полковник подытожил:

– Если вы заподозрите в ком-то, пусть даже в вашем хорошем знакомом, врага, при любых его критических высказываниях о советской власти, о попытке агитации на подрыв производства и других контрреволюционных актах, нужно немедленно сообщить в ближайшее отделение милиции. Тогда с вашей помощью, возможно, будет выведен на чистую воду опасный диверсант... Ваш долг, товарищи, всегда быть начеку!

Поселок превратился в негласное, но вполне официальное гетто. Из-за страха каторги спецпоселенцы отказывались заготавливать дрова на отдаленных делянках, а в боязни доносов завербованных органами осведомителей прекратили всякие разговоры между собой об утраченных правах. Большая Родина навсегда лишила узников свободы. Маленькая родина стала недостижимой.

Глава 10

Битва и раны

После отмены продуктовых карточек и денежной реформы взлетевшие втрое цены немного снизились. Но развернутой торговли мукой, крупами и макаронными изделиями, как было обещано на сессии Верховного Совета, не последовало. Продовольствие поступало на Север все так же с перебоями. В стране случился недород, а местного зерна не хватало. Народ с тоской вспоминал о карточной норме. Рыночная стоимость хлеба была запредельной, ведро сухих корок продавали на базаре за десять рублей, домашние караваи аж за сорок. В поселковой пекарне хлеба готовили наперечет, да и тот вяз на зубах – кисло-горький, смолистый, словно тесто замешивалось наполовину с опилками. Занимая очередь у ларька задолго до рассвета, люди грелись у костров. К семи утра подъезжала гужевая санная повозка, и грузчики принимались таскать из коробов лотки с буханками, испеченными в ночную смену. Под окошком приемки собирались дети и нищие. Если грузчики попадались добрые, то ссыпали им в ладони крошки с лотков, но чаще гнали. Иногда привозили вчерашние, мороженые буханки. Продавщица рубила их топором, – многие покупали по граммам.

Однажды, пока Мария мерзла в очереди за хлебом, Изочка проснулась и выпуталась из веревок. Соскользнув с тахты, она побродила по комнате, умудрилась открыть дверь и доковыляла по коридору до уличной двери. Отворить ее и перебраться через порог силенок достало, а встать с колен на крыльце не смогла. К счастью, Мария была уже близко и услышала отчаянный дочкин рев.

Девочка обморозила коленки и подушечки пальцев ног. Докторша сказала, что подкожная клетчатка почти не повреждена, но дитя очень хилое, и неплохо бы на два-три месяца поместить его в стационар. Мария отказалась. Смертность в детском отделении всегда была большая, к тому же на прошлой неделе там сняли карантин по тифу, о чем педиатр сама и обмолвилась.

Дни больничного листа кончились быстро. Снова пришлось звать на помощь соседскую старуху. Изочка капризничала, не хотела оставаться с нянькой и, жалобно плача, тянула к матери исхудавшие ручки. Мария долго не могла заставить себя уйти и медлила с дочерью у порога. Сломя голову летела потом на работу и на разрыве легких, со слезящимися от ветра глазами, врывалась в подсобку секунда в секунду с заводским гудком. Осуждающе качая головой, бригадир без слов отмечал табель. За опоздания наказывали больно – удерживали в пользу государства проценты с трехмесячной зарплаты.

Пришлось прятать съестное от бабки. Во время обеда та мгновенно проглатывала свою долю и горящими вожделением глазами провожала каждый кусок, поднесенный к чужим губам. Обнаружилось, что старуха выпивает оставшееся с вечера Изочкино молоко. Пойманная за руку, она смутилась, но долго ворчала в сторону, когда Мария, сдерживая подкативший к горлу ком гнева, спокойно сообщила, что будет приходить и кормить дочь сама.

Вдобавок ко всему на щеках у Изочки появилась шелушащаяся красная корочка и коросты на голове, которые она постоянно расчесывала.

– Золотуха, – констатировала бабка. Востроглазо приметив в углу под столом цветную бумажку, похожую на фантик, завистливо добавила: – Конфетами, знать, объелась.

– Какие конфеты! – возмутилась Мария. – Вы их тут видели? Хлеба купить не могу, а вы – конфеты!..

– От сластей такое бывает, – не сдавалась упрямая старуха.

– Без материнского молока она у вас росла, искусственница, потому и диатез у нее, – подтвердила диагноз докторша.

– Чем же лечить?

– А ничем. Само пройдет. Сладкого поменьше давайте, кормите творожком, протертыми овощами, отварной рыбкой. Фрикадельки делайте из нежирного мяса, лучше телячьего, – и докторша произнесла модное слово «диета»...

Затянувшиеся было язвы, возникшие после обморожения на коленях и пальчиках Изочки, от золотухи опять воспалились. Мария присыпала мокнущую кожицу картофельным крахмалом, прикладывала к ранкам проглаженные тряпки с тертым стрептоцидом. К вечеру тряпки присыхали и отдирались только с теплой водой.

Бабка требовала повысить оплату за присмотр за больным ребенком.

– Цельный день меня морют, – брюзжала она громким безадресным шепотом. – Цельный день дома морют и здесь морют, сами краче жрут...

Мария удвоила для нее обеденную норму, но старуха по-прежнему не могла утолить голод и начинала шарить по углам, как только за хозяйкой закрывалась дверь.

Едва фразой-другой перекидывались вечером с бабкой. В цехе Мария молчала. Порой почти уже решалась, плюнув на частности, кинуться в ноги начальству и вымолить отпуск на время болезни дочки. Неужели не поймут – люди ведь, не звери... Но тогда придется брать молоко в долг, злоупотреблять без того невероятной добротой хозяев коровы. Мысль о том, что Изочка может остаться без привычного молока, представлялась важнее всех объективных и необъективных обстоятельств.

Утром Мария вновь убирала скудные припасы под доски завалинок, звала няньку и бежала к заводу. Время, зависимое теперь от многих условностей, потеряло четкость – часы то оплывали тягучими минутами-каплями, то летели, спустив

стрелки с тормозов. Безумными скачками, словно раненная в облове волчица, мчалась по жизни Мария. Чтобы меньше терзаться думами о ребенке, напрашивалась на тяжелую сортировку, от которой все норовили отлынить, и двигалась безостановочно, как механизм, запущенный на выполнение пятилетки в три года. Начальник цеха, потрясенный непомерным усердием труженицы, пребывал в смущенных чувствах: женщина тратила себя будто в припадке самоистязания, на глазах спадая с лица.

В монотонном мельтешенье красных брусков Марии чудилось уплывающее от нее личико дочери. С закрытыми глазами дитя напоминало мертвого Хаима.

Память о муже не бредила душу. Перейдя к мертвым, он стал неотъемлемой частицей прошлого человечества – не отторгнутый, не отщепенец, каким казался на земле.

«Там, где ты находишься нынче, не бьются с жизнью, – в полубеспамятстве шептала Мария мужу, разбирая угробившие его кирпичи. – А меня жизнь бьет, видишь? Хотя ни один кирпич за смену не упал. Ноги целы... душа в синяках от этой битвы».

К вечеру Марию качало.

– Ты иди, иди, – ворчал начальник и на свой страх и риск выпускал женщину из проходной за два часа до конца рабочего дня.

Спеша домой, она пугалась собственной истаявшей тени. Молилась шепотом на ходу, глядя перед собой, не в силах поднять голову к небу:

– Господи, прошу Тебя, сделай так, чтобы моя девочка выздоровела поскорее. Не забирай ее у меня... Отче наш, Иже еси на небесех... Не забирай! Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, помилуй нас! Ты один можешь помочь, спаси мою дочь, спаси, спаси...

Слезы пристывали к лицу и жгли кожу. Смахивая лед со щек, Мария кощунствовала в злом отчаянии:

– А если Ты никому не можешь помочь, если от Тебя ничего не зависит, зачем Ты вообще... есть? За что мучаешь ребенка, за что наказываешь меня?!

Убедившись, что Изочка жива, грела о горячий бок печки трясущиеся от счастья руки:

– Сейчас, моя радость, мама возьмет тебя... Сыне Божий, прости! Да святится имя Твое...

Студеной ночью, когда углы комнатухи покрылись звездчатым инеем, а бревна стен звонко постреливали снаружи, Изочка так расплакалась, что даже подмороженные молочные пенки не смогли ее утешить. Дую на воспаленные ножки дочери, Мария бормотала обрывки каких-то молитв вперемешку с неблагоговейной материнской мольбой и тоже плакала. Сварливый голос соседа напомнил ей из коридора об окружающем мире:

– Эй, дадите спать, нет?! Кончай скулеж, мамаша, не то придушу кутенка!

Мгновенная ярость подбросила Марию с табурета. Ринулась в коридор, но мужчина, к бурному ее разочарованию, успел скрыться. Она в диком остервенении пнула дверь его комнаты и сломала нижнюю перекладину:

– Посмей еще вякнуть, и я перегрызу твое поганое горло!

Сосед, против ожидания, почему-то не вознегодовал из-за сломанной двери. То ли знал, на что способен человек, дошедший до края, то ли просто удержала супружница.

А к утру тело Марии вступило в равновесие с битой жизнью душой – разбомбило ногу. Пришлось дать бабке два рубля, чтобы вызвала участкового доктора и сходила за молоком.

Выписывая больничный лист, врач недоверчиво вздохнул:

– Оступились, говорите? Что ж так неосторожно-то... Ахиллово сухожилие надорвали... Тяжеловатая травма при вашем небольшом весе.

Глава 11

Малиля – Малис

За день до выхода на работу Мария еле уговорила старуху хотя бы неделю посидеть с Изочкой. Пообещала, что прибавит еды и денег, не заморачиваясь покуда, где возьмет то и другое. Дочка, на удивление кроткая в последние дни, догадалась о новых часах разлуки и снова сорвалась в крик.

С темными полукружьями под глазами, волоча незажившую ногу, Мария бродила с ребенком на руках из угла в угол. Безысходным потоком с губ срывалось то, что горело и святотатствовало в лихорадочных мыслях. Будь проклята эта чертова жизнь... Будь проклята!..

Кто-то снаружи подергал ручку двери. Сосед запоздало вознамерился устроить разборки или еще каких сволочей принесло?!

Мария воинственно подобралась и, сунув в подушки притихшую дочь, подхватила прислоненную к печи кочергу. Готовая к ругани, драке, к чему угодно, с грохотом отбросила в сторону тяжелую щеколду... и кочерга выпала из тотчас ослабших рук.

– Майис!

Гостья ужаснулась изможденно-свирепому виду хозяйки, но не выдала себя и взглядом. Стрельнула глазами в комнату, высматривая ребенка.

– Дорообо, Марыя. Бот, моя присол.

Неторопливо повесила на гвоздь крытую зеленым сукном шубу. Пройдя к кровати, громко понюхала пушистый Изочкин затылок:

– Сопсем Исэська болсой!

Дочка с любопытством уставилась на незнакомую женщину, чем-то похожую на маму. Сконфуженная Мария подобрала взлохмаченные волосы, кинулась растапливать печку, силясь сделать хромоту незаметной. Поставила на открытую конфорку чайник с колотым льдом, настрогала плиточного чая... Не смотрела на гостью, стыдясь красноречивой бедности своего жилья. А Майис о чем-то щебетала с Изочкой, как бы между прочим выкладывая из сумки на стол колобок чохоо?на[26 - Чохоон – национальное якутское блюдо из взбитого с теплым молоком сливочного масла, часто с земляникой. Едят в замороженном виде.] с земляникой, свернутые в рулет пластинки вяленого мяса, смолянистый шматок ягодной пастилы в обрывке вощенной бумаги.

Покачала серебряными серьгами, спадающими вдоль высокой шеи:

– Юрю?нг кёмю?с[27 - Юрюнг кёмюс – белое золото, т. е. серебро (якут.)]. Стапан с тбой лоска делай. Красибай?

– Очень красивые...

По якутскому гостевому обычаю Майис первой начала рассказывать новости.

– Дом хоросо. Сэмэнчик болсой, Стапан работай многа, денга есь, бурду?к[28 - Бурдук – мука (якут.)] есь. Куоба?х[29 - Куобах – заяц (якут.)] попадай петля, балы?к[30 - Балык – рыба (якут.)] мунгха?[31 - Мунгха – неводьба и сам невод (якут.)].

Только теперь Марию вдруг потрясло острое осознание того, как ей до сих пор не хватало простого человеческого внимания. Неожиданно для себя она рухнула на табурет рядом с гостьей и разрыдалась, прислонясь лбом к ее плечу.

Майис ласково расправляла спутанные кудри Марии и говорила самые обыденные слова, от которых трещала и лопалась скорлупа, выросшая на измученном сердце. Мягкий голос будто прохладным шелком скользил по нему, проникая сквозь блаженно отмякающие трещины.

– Бесна присол, Марыя. Скоро тепло, нету плакай!

Девочка обычно чуждалась незнакомцев, а тут сразу пошла на руки к интересной тете, принесшей столько всякой еды. Закричала в радостном предвкушении, хлопая в ладоши:

- Мама, хахаль, Изося любит хахаля!

Мария гордо улыбнулась сквозь слезы: дочь впервые составила целое предложение.

- Как так хахаль? - удивилась Майис. Это слово было ей известно. «Хахалем» называла одна из приятельниц своего русского сожителя.

- Изочка чохоон с сахаром перепутала, - объяснила Мария.

Майис захохотала:

- Исэська по-русску, как моя! Исэська не умеет по-русску! Сахар - хахаль!

Изочка запрыгала на ее руках:

- Хахаль! Хахаль! - Снисходительно потрепав по щеке смешно говорящую тетю, спросила: - Ты - мама?

- Майис, - улыбнулась гостья.

- Малис, - старательно воспроизвела девочка. - Малис, Малиля, - и, переводя пальчик от веселой женщины к матери, повторила: - Малис, Малиля!

Майис подала Изочке кусочек чохоона. Та обиженно скривила губки, кинула на стол:

- Не хахаль!

- Скуснай, - убеждала Майис. - Ам-ам. - Отщипнув от кусочка, зажмурила глаза, закрутила головой: - М-м-м! Скуснай чохоон, дьэдьэнээ?х[32 - Дьэдьэн - земляника, дьэдьэнээх - с земляникой (якут.).] чохоон!

– Чо-хон, – четко произнесла Изочка новое слово. – Дай чохон!

Запустила пальчики в тарелку с подтаявшим лакомством и, подражая гостье, скорчила довольную гримаску:

– М-м-м! Скуснай!

На пастилу, чей влажно-глинистый цвет ни о чем съедобном не напомнил, девочка даже не взглянула.

Мария встала на стул, без особой надежды пошарила на антресолях над дверью и нащупала-таки в углу за ящичком с инструментами Хаима припрятанную чекушку спирта, купленную когда-то для медицинских целей. Ура, целехонька! Хоть сюда не успела или, скорее, не сумела залезть вороватая нянька.

– Ок-сиэ! – обрадовалась Майис. – Бодка пей-гуляй!

– Окся! Окся! Пей-гуляй! – засмеялась Изочка.

Комната наполнилась крепкими праздничными запахами. Граненые стаканчики-рюмки легонько чокнулись – поцеловались. Разведенная ледовой водой, хрустально взблескивала в них горячая жидкость.

– За здоровье, Майис.

– Сдоробье, Марья.

Терпкое хмельное тепло разлилось в теле, расслабило напряженные нервы. Оттаивая словно после долгой зимней дороги, Мария наслаждалась горячим чаем с кислой сладостью ягодной пастилы. Возвращался вкус к еде. К жизни...

Изочка, лоснясь щечками, сонно собирала с тарелки масляные катышки земляники. Майис по бережливой крестьянской привычке держала ладонь под ручкой ребенка, чтобы не пропали крохи съестного.

Дочь скоро уснула в кольце целебных рук гостьи, зажав ломтик мяса в замусоленном кулачке. Мария хотела переложить Изочку на постель, но Майис

отрицательно покачала головой.

– Пусь спай на руки. Моя скучай Исэська, моя думай: «Где Марья-балтым, где огодко? Много месяс, один год. Нету...» Силно плакай бот тут, – она с глубоким вздохом постучала себя по груди.

– Не хотелось вам досаждать, – виновато сказала Мария. – Изочка болела... Мне что-то постоянно не везло...

– Стапан услыхай от люди, где купит-продать молоко, – продолжила Майис и забавно заиграла бровями, изображая мужа: – «Старый баба ходил к люди, купил молоко Исэськи! Сам Марья сила нету. Нога болей Марья, огодко болей, ай, нака?ас[ЗЗ - Накаас – мучение, трудность (якут.)]! Оннако, сам ходи к «кирпичка!»» Моя посол. – И горестно вскрикнула: – А тут!.. Болей! Плакай!

– Уже не плачу, Майис. Спасибо, что пришла... Скоро, наверное, полегчает... Чуть-чуть потерпеть, и, надеюсь, Изочка совсем выздоровеет.

– Моя – дом огодко, – Майис махнула рукой в сторону двери. – Один, дба, три день, многа день-месяс. Моя смотри Исэська с мой Сэмэнчик, дба огодко – хоросо. Ты – работай, гости ходи Исэськи. Дом тепло, Исэська не болей, стал болсой, тостый – куобах есь, балык есь, молоко пей. Сдоробье! Нада – лето брал Исэськи, снега падай – опят моя смотри...

В голове шумел морской прибой, тело покачивалось, как в шлюпке на волнах. Мария едва сообразила: Майис предлагает взять Изочку к себе, присмотреть за нею до лета.

Еще сегодня утром она предположить не могла, что способна без слова возражения даже на день оставить ребенка в чужой семье, и вдруг согласилась с облегчением и уверенностью – у Майис дочке будет по-настоящему «хоросо». Гораздо больше Марию беспокоило, что она не может предложить ничего равноценного в ответ на эту огромную помощь.

Будто читая ее мысли, Майис радостно сообщила:

– Стапан так думай: «Грамотнай нада. Читай по-русску нада. Пусь Марыя учай». – И залилась озорным смехом: – Моя читай – работай нету, лабырык не пекла, печка холодной! Стапан ругай, моя – чита-ай! Потолок плюбай!

Майис по-прежнему была щедрa молоком. Увидев, как Сэмэнчик примкнул к материнской груди, Изочка тотчас уверенно, без всякого стеснения притулилась рядом, словно наконец-то после долгой разлуки обрела утерянную собственность. Майис купала девочку в талой ледовой воде с настоем корней шиповника от золотухи. Щечки Изочки скоро налились и засияли свежим румянцем, тельце очистилось от корост, только на коленках и пальчиках ног остались темные пятна обморожения. Она снова начала шагать, опасливо опираясь о стены, а через несколько месяцев ножки совсем окрепли. День-деньской бегали дети по дому с криками, неугомонные цыплята в желтых рубашонках, пошитых из «сталинской» фланели.

Мария приходила каждый вечер. С саднящим уколом ревности обнаружила она в собственном ребенке зачатки своенравия: Изочка перестала звать ее мамой. К матери и к обожаемой новой няньке дочь из каких-то интимных соображений решила обращаться по именам: «Малиля – Малис» и уже не отступала от этого знака равенства.

– Малиля, будь здесь, – хныкала она, когда мать собиралась домой, а если та задерживалась допоздна, капризничала: – Малиля, иди... Малис даст титю...

Мучаясь тем, что болезненная и плаксивая девочка доставляет массу хлопот посторонним, в сущности, людям, Мария всякий раз хотела ее забрать. Майис возражала:

– Огокко не сильно сдоробый. Будет сопсем сдоробый – домой пойдет.

Свободными вечерами Мария, как было обещано, проводила уроки, и смышленная хозяйка вполне сносно начала изъясняться по-русски. На занятиях она не сидела без дела: постигая премудрости русского алфавита, двигала ногой лопасть деревянной кожемялки. В зубастом зеве станка топорщилась жеребьячья шкура – будущая шубка для Изочки.

Считая себя неоплатной должницей, Мария приносила сюда дефицитные вещи, какие только удавалось раздобыть: несколько метров бязи, туалетное мыло,

пакетик стекляруса, новую эмалированную кастрюлю, ярко-красную помаду в серебристом пистоне, которую подфартило выменять у соседки на полкило отрубей...

Майис уговаривала взять подарки обратно:

- Тбой дом сам нада кастрюл, мой юрта много посуда! Сачем красный губы? Я не ходи клуб на тансы, хахаль нету, одна Стапан!

Сердилась, когда Мария, смущаясь, втолковывала о своем долге.

- Так нада! Люди не кыы?л[34 - Кыыл - зверь (якут.)]. Как это по-русску? Люди не сберь, люди - челобек!

Житейская мудрость Майис легко соседствовала с ребячьей смешливостью. Чуть что-то казалось ей забавным, она прыскала в кулак, и Степан шутя, а может, и впрямь в досаде от несерьезности жены, грозно цокал языком. Пристыженно умолкнув, Майис через минуту забывалась и покатывалась на пару со строгой «учительницей», которую невольно заражал ее искристый смех.

Тепло радушного дома, сердечность якутской семьи, а главное - спокойствие за ребенка вырвали Марию из засасывающей черной воронки. В отчаявшейся было женщине восстановилось хрупкое душевное и физическое здоровье. Она старалась не думать о подписке, о том, что никогда не увидит родину. Именно тогда Мария и стала такой, какой ее видели все последующие годы: молчаливой и суховатой, но всегда подтянуто-бодрой.

Завтра - встреча с дочкой и Майис, родной, как сестра, а еще - уроки, - улыбалась она, засыпая. Одиночество больше ее не страшило.

Глава 12

От алфавита до языка, от игрушки до сказки

- Смотри, Майис, это буква «в». Вагон, Василий, волк.

- Багон, Басылай, болк, - повторила послушная ученица.

- В - в, волк, - поправила Мария.

- Язык саха нету такая букба, поятому она не мосет, - снисходительно пояснил Степан.

- И ты не мосет, - отпарировала жена.

Мария показала, как надо произносить букву «в»:

- Прижмите верхние зубы к нижней губе и сделайте резкий выдох.

Майис закусила губу так, что рот побелел:

- В! В! В! - и сама не поверила: - Я могу! Могу!

После этого заявила, что остальные буквы учить не будет, пока не закрепит «в», и весь вечер радостно восклицала:

- В-вагон, В-василий, в-волк! В-вагон, В-василий, в-волк!

- Б-в-вагон, б-в-волк, - учился произносить неподатливую букву Степан.

Старательно срисовывая в тетрадь букву «ж», Майис сказала:

- Ок-сие, буква-дьенчина.

- Тыы?й[35 - Тыый! - возглас удивления вроде «ох!», «надо же!» (якут.).]! Почему ты решила, что «ж» - женщина? - удивилась Мария. Для нее занятия тоже не прошли даром: приятно было иногда вставить в речь якутские слова с их сложными дифтонгами. В этом музыкальном языке она насчитала больше двадцати гласных звуков.

- Где, где дьенчина? - вытянул шею Степан.

– В клубе, где ты играй на хомус, – засмеялась Майис. – Иди клуб, там тансы, мно-ого дьенчинов! Красивай!

– Своя есь, – буркнул, обидевшись, муж.

– Покажи, как буква «ж» походит на женщину, – попросила Мария.

– В середине – тело и голова, – охотно принялась объяснять Майис. – Вот по стороны ноги. Вот руки вверх.

– Тогда это мучина, – возразил Степан. – Тут что-то мезду ног торчит!

– Не торчит! – осерчала Майис. – Мезду ног, смотри, голова ребенка выходит! Дьенчина родит, руки к палке подняла...

– К какой палке? – не поняла Мария.

– Давно дьенчины стояли, дерзались за палку, палка была на потолок. Так родили.

Буква Ж, жук-скарабей, действительно была похожа на рожаящую женщину.

– Скажай слова, – ткнув в букву, напомнила Майис.

– Жук, женщина, жара. Произносится так: прячем язык за зубами...

– Я сама, – перебила Майис и напряженно сжала зубы: – Ш! Шук, шенсина, шара... Нет, не получаисса!

– Тыый! Ты научилась выговаривать букву «ш»!

– Шар, – обрадовался Степан, заглянув жене в рот. – Шапка, шуба, шашни... – Он осекся, но было поздно.

– Что такое шашни? – прилежно отшепетывая слово, заинтересовалась Майис.

Степан замялся, покраснел как мальчишка и ответил жене по-якутски.

– Одни женчины на голове! – разозлилась Майис и нечаянно справилась с упрямым произношением.

К следующей весне, когда алфавит подошел к концу, Мария изобрела остроумный способ воспроизведения буквы «ф»: зажгла спичку и дунула на нее, издав звук, недостающий в якутской орфоэпии: «Ф-ф-ф!» Подражая наставнице, супруги сожгли целый коробок.

Место последней буквы поразило Степана – он нашел явную ошибку создателей азбуки:

– Буква «я» не на своем месте стоит! «Я» у человека всегда впереди, а здесь в хвосте, будто ей стыдно!

– Раздулась, гордая, как тойо?н[З6 - Тойон – богатый человек, начальник (якут.)], – вздохнула Майис. – Потому что не только буква, но и слово. «Я» правильно прогнали в конец, чтобы меньше гордилась собой. Стой она спереди, кричала бы только «Я! Я! Я!», и никто б не услышал других.

Мария не уставала удивляться обыкновению северян очеловечивать некоторые явления. Сознание якутов глубоко затронуло православие, затем сильно поколебало безбожье советской идеологии, но язычества в них было не искоренить, – из-за жизненно необходимого тесного и постоянного взаимодействия с природой, а еще из-за культового ощущения себя детьми высших сил тайги. Долгое – девять холодных месяцев – ожидание тепла сказалось на здешних жителях склонностью к творчеству и созерцательному спокойствию, а изредка, в крутой жизненной качке, – к неожиданно пылким крайностям.

Представления вдумчивой и сообразительной Майис о мире были проникнуты своеобразной поэтикой в сочетании с простодушным любопытством. За несколько лет «ученического» общения с Марией она значительно обогнала Степана и усвоила русский язык так, будто знала его с детства. А Мария вполне прилично стала изъясняться на мягком якутском говоре, совершенно отличном от европейских языков, с выразительными аллитерациями. Дети не отставали от взрослых: русские и якутские слова вперемешку сыпались из них, как орехи из

горсти.

Девочка проводила в семье Васильевых больше времени, чем с работающей матерью. Доверчивой глиной, податливой в бережной лепке, льнуло дитя к женщине, чей молочный запах еще долго тревожило и притягивало рудиментарное младенческое обоняние. Певучий голос матушки Майис умел разбить обиду и успокоить боль, в улыбке жила нежность, а в руках – ловкость и веселая власть над вещами. Изочка училась у Майис женской сметке и способности находить новизну в привычных событиях и предметах. Маленькое домашнее пространство наполнялось в восприятии девочки внебытовой, не утилитарной значимостью, в прозрачной детской памяти запечатлевались цепкие наблюдения – крепи постижения мира и понимания жизни.

Посреди юрты Майис нарядно белела русская печь. Вдоль стен тянулись деревянные нары-орон, накрытые плетеными из конского волоса циновками, с горками разновеликих подушек и лоскутных одеял, сложенных в изголовьях. К Майис очень подходила якутская пословица: «Пока хозяйка идет от лежанки к камельку, она успевает проверить восемь вчерашних дел, обдумать девять сегодняшних дел и наметить десять завтрашних». Днем Изочка никогда не видела Майис отдыхающей, а все нечастое свободное время та вышивала бисером узорные вставки для унтов по заказам городских модниц. Сама мастерица ходила в кожаных торбазах. В небогатом колхозе никто не носил унтов, дорогую обувь из привозных оленьих камусов[37 - Камусы – олени «лапки», полосы шкур с ног оленя. В центральной части Якутии оленей не держат, камусы завозятся из северных мест.], да и коровьи шкуры на торбаза добывались сложно – хозяева скота были обязаны сдавать кожаномеховое сырье государству.

Разноцветный бисер хранился в спичечных коробках на низком швейном столе, где стояла большая шкатулка с нитками и накрученными на палочки сухожилиями для шитья торбазов. В крышку шкатулки была встроена суконная игольница. Майис объяснила, что иглы с большими отверстиями, «как глаза у русских», предназначены для разного шитья, а тонкие, с узкими «якутскими» глазами, – для вышивки. Изочке нравилось раскладывать бисер в коробочки по цветам, а вышивать так и не научилась – быстро наскучило нанизывать и закреплять рассыпчатые бисеринки. Вот следить за движениями умных пальцев матушки Майис было одно удовольствие, в них все, за что бы она ни бралась, становилось послушным и радостным.

Дяде Степану тоже с видимой охотой подчинялись дерево и кожаный сыромят. Железо в кузнице вообще соглашалось течь, как вода. Дома «мужское» царство располагалось справа, где в плохо освещенном углу угадывались плотницкие инструменты, граненые копья пешней[38 - Пешня – ледоруб.] и ружье в чехле. На полке примостились манерки с дробью и порохом, мешочки с самодельными пыжами, черканы и петли на зайцев и куропаток. В юрте круглый год пахло лесом из-за березовых поленьев, сохнувших на верхней приступке печи. В искусных руках дяди Степана дерево оживало. И не просто пробуждалось, а начинало петь! Древесный голос не скрипел, не трещал, как в лесу, – свистел и завывал неведомым эхом, стремительным ветром, и, точно от ветра, во все стороны разлетались желтые стружки.

Дядя Степан был великим мастером «от черня до лодки» – так говорили о нем. Вечерами он вырезал серьезные вещи – шаблоны для сгибания охотничьих лыж или деревянные части ободов, а иногда, в добром расположении духа, делал игрушки из тальниковых прутьев для своей и деревенской ребятни.

Рожки на лбах бодливых коровок топорщились в разные стороны шильцами, у оленей поднимались веточками. Дети играли в «колхоз», пасли стада и хозяйничали в своих «усадебках».

– В моем сельсовете живут солнышки, – фантазировал Сэмэнчик, заметив по солнцу в передних окнах юрты, – смотри, Изочка, у нас их два!

Она не поверила, побежала от одного окна к другому – и правда, в каждом сияло солнце!

– Мои солнышки, – важно сказал Сэмэнчик и, глянув на погрустневшую Изочку, расщедрился: – Ладно, одно твое...

Не часто он был таким добрым, в игре обычно забирал коровье стадо себе, а подружке оставлял олень. «Колхоз» с коровами считался богатым, ведь они дают больше молока, и требуха их в похлебке жирная, вкусная, с дивным запахом сена и хлева. Мария почему-то с кислым лицом отворачивалась от такой похлебки, дочь же ела за обе щеки...

Изочка предложила тянуть жребий из целой спички и половинки: кому достанется целая – тому коровки. Сэмэнчик разжал кулак – да что такое, опять

олешки Изочкины!

– А мне-то коровы, а я-то богач! – заскакал мальчик, дразнясь, и нечаянно выронил вторую спичинку. Она тоже была половинчатой.

Изочка ударила обманщика в грудь:

– Отдавай коров!

Он не остался в долгу и стукнул по лбу.

– Конечно, ты сильный, – заплакала Изочка. – Зато я уже все буквы знаю, а ты только болтаешь много!

– Ну и что! Для мальчиков главное – сила! – заявил бессовестный Сэмэнчик.

– Ах, так! – завопила она и вцепилась ему в волосы.

– Бьются, как двухтравные быки! – Дядя Степан, смеясь, схватил драчунов в охапку. – Не стыдно, эр киһи?[39 - Эр киһи? – мужчина (якут.). Буквально – человек-мужчина.], девочку обижать?

– Она первая начала...

– Он у меня всегда коров отбирает!

– Нашли из-за чего ссориться! Да я вам сейчас целую ферму настругаю!

Сэмэнчик тотчас воспользовался благодушным настроением отца:

– А сказку расскажешь?

– Принеси нож и ветки, – дядя Степан уселся на низкую лавку перед печкой. – Есть одна песня-сказание о том, как дух леса Байана?й глупого силача проучил. Будете песню слушать?

– Будем!

Обламывая с прутьев побеги, он негромко запел:

Где, когда – о том я не скажу,
жил на свете Тэ?ке-богатырь,
что не так был силой знаменит,
как хвастливой глупостью своей.

Вот однажды высмотрел в лесу
Тэке белку на кривой сосне
и подумал: «Жаль, не взял ружья!

Но не зря же я ношу топор?
Эх, в два счета дерево срублю,
и зверек мне в руки упадет!»

Скоро наземь рухнула сосна.
Где же белка? Спрыгнула на ель!
Рассердился Тэке-богатырь,
размахался острым топором —
щепки полетели до небес,
снег растаял, потекли ручьи!

Сел на пень измаянный силач
и не верит собственным глазам:
хитрой белки след простыл давно,
лес вокруг поверженный лежит!

За спиною смех услышал вдруг.
Оглянулся, видит: позади,

среди пней, резвится, хохоча,

дед веселый в беличьей дохе!

Тэке испугался, еле жив,

опрометью кинулся домой.

Силой не хвалился с той поры,

поумнел изрядно, говорят...

Дух лесной, веселый Байанай

животворным ветерком подул,

и деревья встали, как всегда,

словно не касался их топор.

Превратился в белку дед опять

и забрался в теплое дупло

отдохнуть от справедливых

дел и пустоголовых силачей...

Дядя Степан кончил петь и усмехнулся, покосившись на Сэмэнчика:

- Ну, это сказка, а сила-то для нас, мужчин, все равно главная, верно?

- Нет, - опустил тот голову. - Немножко главная. Только чтобы стать кузнецом, как ты.

- А почему ты хочешь стать кузнецом?

- Потому что тебе вкусную еду за работу дают, - засопел Сэмэнчик.

- В следующий раз расскажу вам сказку о жадном кузнеце, - вздохнул дядя Степан и вручил новых коровок Изочке.

Дети любили ходить в кузницу, приземистую избу у озера на краю села, откуда начинали разбег лесистые горы. Пол в кузне был глинобитный, в воздухе витали густые запахи горячего металла и окалины. Огонь сиял в горне, словно горка новеньких медных монет в лисьей шапке. Дядя Степан стоял перед наковальней в кожаном фартуке с кузнечными клещами в левой руке и молотом в правой – незнакомый, пурпурный и прекрасный человек-творец.

«Динг-донг! Динг-донг!» – ухал молот, взлетал рой золотых искр, и бесформенный обрубок раскаленного железа превращался в нужную вещь – тележный шкворень, лемех для плуга или косу-горбушу. Парнишка-помощник раздувал мехи, похожие на снятые чулком шкуры с задних лошадиных ног. Мехи дышали тяжело, натужно, как старый человек в беге, железо в горне разгоралось ослепительным куском солнца. Синие полосы остывающих ножей шипели в лотке рядом с колючими холмиками простых гвоздей и четырехгранных гвоздей-костыльков.

В углу ждали своей очереди свинцовые чушки для изготовления дроби, самовары и чайники – мастер принимался за них после колхозных поручений. В кузню часто наведывались люди с просьбами подковать лошадь, оправить железом полозья саней либо подлатать какую-нибудь кухонную утварь. За работу заказчики обычно расплачивались чем-нибудь съестным. Кузнецам всегда жилось чуть сытнее, чем другим, даже в войну.

Глава 13

На аласе[40 - Ала?с – удобная для сенокоса луговая низина в обрамлении тайги (якут.).]

В первые военные годы якутскую землю измучил страшный зной. Высохшие озера покрыли тайгу пятнами парши. От невыносимой жары возгорался торф, леса пылали, над выжженными полями носились черные ураганы. Воспаленный глаз солнца подслеповато щурился в пеленах дыма и пыли. Старики говорили, что такая напасть выпадает раз в век. Ни трава, ни зерно не всходили совсем. Засуха покатила дальше, лето за летом гуляла она по всей стране.

Несмотря на то что корма возили по Лене из Сибири, их не хватало для жалких остатков когда-то многоголового общественного стада. В деревне наступил голод. Жители поселка приравнивались к городским и получали карточки с нормой продуктов, а сельчанам пайкового лимита не полагалось. Правда, в складах хранилось зерно, но председатели берегли его для посева...

Очень скоро постулат «кто не работает, тот не ест» война переименовала в «кто не работает, тот не живет». Занесенные снегом трупы неделями некому было убрать с улиц. Тогда для поддержки голодающих обком вынес решение не ограничивать охоту на зайцев. Народ из последних сил поднялся ставить заячьи петли, драл с сосен по весне смолистую заболонь[41 - Заболонь – подкорковая мездра хвойного дерева. Сосновую заболонь мололи в муку после кипячения в нескольких водах и сушки, использовали для заправки молочных блюд.] и толпами выходил на неводьбу...

После войны небо неожиданно пролилось сэкономленными дождями, не скупясь и на солнце. Зерно не помещалось на токах, под излишки спешно сколачивались сараи. Урожай картофеля на весь год снабдил поселок едой, и в город не одну тонну увезли. Капусты уродилось так много, что зимою ею кормили на фермах коров...

Вместе со всгустевшими травами у людей окрепли надежды. Теперь Степан вознамерился поставить «русский» дом из листвяка, и во дворе понемногу стал накапливаться отборный лес. Весной Степан построил хлев. Сбылась мечта Майис – купили корову. Пестрая, с коричнево-палевыми пятнами на круглых боках и большим розовым выменем, она была просто красавица и молока давала много. Ее звали Мичээ?р, что значит Улыбка.

Колхоз выделил кузнецу покосный алас над Леной. Как раз начался ледоход. Огромные торосы – белые медведи-великаны, покрытые игольчатым мехом, плыли стаями с верховий, откуда слышалась непрерывная канонада. Льдины трещали, расстреливая друг друга, тонули и выныривали стоймя, расколотые вдоль, как сахарные головы[42 - Раньше сахар продавался большим куском, напоминающим пирамиду, и назывался сахарной головой.] с высоко задранными макушками. Река на глазах Изочки и Сэмэнчика превращалась в гигантскую армию. Шумные войска катились бесконечной лавиной, и каждый боец грозил тучам сверкающим штыком. Полководец-ветер гнал грузные тучи в хвост и в гриву, подхлестывал их с гиком и свистом, не давая времени повисеть на месте и облегчиться ливнем... А лишь прошел лед, наступили яркие, теплые дни, и

всходы трав потянулись к солнцу, торопя сенокос.

Дорожка к аласу бежала через перепутье у шаман-дерева – старой сосны с толстым рыжим стволом. Верхние ветки ее украшали свечечки шишек, средние были увиты черно-белыми шнурами, сплошь в цветных ленточках и прядках из лошадиных грив. У подножия громоздилась куча мелких вещей – от копеечной меди до вышитых бисером кисетов для табака. Степан, хоть не верил в духов, по древнему обычаю всегда «угощал» комель кусочком лепешки или привязывал к шнуру припасенную ленточку. Изочка тоже подарила шаманской сосне голубую атласную ленту из косички. Насмелилась прижаться ухом к стволу дерева, и оно загудело, как телеграфный столб. Почудилось, вот-вот откроется волшебная дверь в смолистой коре, приглашая войти в золотистую сердцевину...

Поблизости находился сайылы?к[43 - Сайылык – летник на месте покоса (якут.).] трех странных старух. Неразговорчивые, мрачные, они кое-как косили траву для своей безрогой коровы. Предложить старухам помощь никто не решался. Сэмэнчик сказал, что в деревне их зовут «иирбит» – «простоквашные», и что они – бабушка, мама и внучка. Изочка удивилась – все три были одинаково седые, морщинистые и старые-престарые. Друг от друга отличались лишь одеждой: одна носила серое платье, другая – коричневое, третья – черное в белый горошек.

Раз вечером, привлеченные светом керосиновой лампы в окне юрты простоквашных старух, дети не смогли удержаться от соблазна подкрасться ближе и заглянули внутрь...

Сэмэнчик тихо охнул. Изочка глазам не поверила, увидев в руках той бабки, что в платье горошком, тряпичную куклу. Две другие, весело переговариваясь, раскладывали возле себя на столе маленькие предметы... игрушки, вырезанные из тальника! Старухи играли в «колхоз».

– Слово «иирбит» означает не только скисшее молоко, но и человека, чья голова испортилась. То есть не совсем здорова, – вздохнула Майис. – Была семья богатая, работающая, да сгнули мужчины. Посчитали их кулаками и выслали в неизвестные края без письма и возврата. Хорошо, сельсовет хоть корову с покосом старушкам оставил, и в голод не извел кормилицу никто. Чем только живы после налогов...

Дети не обмолвились о чужой тайне, но стали огибать стороной соседний луг, на котором медленно и шатко двигались с косами три сгорбленные фигурки. Потом Степан выкосил самые трудные кочковатые участки на аласе старух и без лишних слов помог им поднять стог.

Тучная трава на покосе сыто лоснилась, полощась под ветром в разные стороны над проборами неглубоких овражков. Изочка не ленилась собирать граблями подсушенные валки, и Сэмэнчик не жалея сил трудился для Мичээр, настоящей, не «тальниковой» коровы. Все старались заготовить для нее побольше хорошего корма на долгую зиму. Молоко на столе теперь не переводилось, а в подполье отстаивались сливки.

Глава 14

Мортыжки

Однажды матушка Майис налила сливки в эмалированный тазик и насыпала туда горсть голубики.

– Что это такое? – ткнула Изочка в деревянный кружок с встопорщенными волнами, всаженный в гладкую палочку.

– Ыты?к, огокком, по-русски – мутовка. Я взобью ытыком кёрчэх из сливок, – сказала Майис, сунула волнистый кружок в миску и завертела палочку ладонями. – Видишь, ытык кругами втягивает сливки в середину, делает их крепкими и высокими. Похоже на то, как растет человек.

– Человек похож на сливки? – удивилась Изочка.

– В чем-то – да, – засмеялась Майис, – а движения ытыка – на ход жизни. Человек втягивает в себя прошлое – память о бабушках-дедушках, живет настоящим, думает о будущем и поднимается в кругах жизни выше и выше. Так из «жидкого» он становится твердым, сильным, мечты его сбываются... Ытык – небесная вертушка предков, мудрая у него душа.

- Разве у вещи бывает душа?

- Она есть у всего живого.

- Ытык – живой?!

- Эта вещь выстругана из дерева, а оно – живое.

- Человек тоже выструган из дерева?

- Нет, человек создан любовью из плоти и крови.

- А Мария говорила, что человека создал Бог.

- Бог и есть любовь, огокком...

Сливки с помощью живого ытыка «выросли» втрое, превратились в пышную массу, полную воздуха и сиреневую от голубики, как вечерние тени в сугробах. Округлые лепешечки кёрчэха заполнили большой железный лист. Дядя Степан унес лист в ледник – заваленную лиственничной корой землянку, где ступени за толстой дверью спускаются в подвал и дальше – в вечную мерзлоту.

В подвальном прирубе хранились мясо и молоко. Налитое в миски, молоко застывало в них лунными чашами. Сверху на бело-желтом круге собирались мерзлые сливки, и Майис разрешала детям немного их сострогать. В нижнюю часть ледника с еще одной дверью дядя Степан закладывал зимой плиты озерного льда. Талая ледовая вода всегда чиста и свежа, пить ее можно не кипяченой. Говорят, человек, который всю жизнь пьет только ледовую воду, доживает до ста лет...

Мария сказала, что мороженые лепешечки называются мортыжками. Изочка услышала как «мартышки». Она видела мартышек в книжке про Айболита, но на картинках были похожие на людей хвостатые звери, а эти напоминали нежные сиреневые раковинки.

- Кёрчэх делается не из мартышек, – возразила Изочка. – Майис накрутила его ытыком из сливок, я сама видела. Откуда бы она взяла мартышкино мясо, если

они живут в Африке?

- Мортыжки почти что мороженое.

- Как мороженое мясо?

- Мороженое взбивают из молока или сливок, как кёрчэх.

- Почему тогда «мартышки»?

- Просто слышится одинаково.

- А какое оно - мороженое?

- Я же сказала: вроде мортыжек...

- Хвостатое?

- Мороженое, горе мое!

- А почему его называют по-другому?

Мария подумала-подумала и ответила сердито:

- Потому что мороженое - это мороженое, а мортыжки - это мортыжки!

Вечером дядя Степан принес из ледника железный лист с пристывшими лепешечками-раковинами и отбил их кулаком с обратной стороны. Лакомство оказалось в тысячу раз вкуснее сливок с «лунного» молока.

После Изочка хвасталась девочкам в бараке, что ела мороженых мартышек, а девочки смеялись и не верили. Сливки они тоже никогда не пробовали.

Лесное, речное, небесное

Разглядывая цветные фотографии в «Огоньке», Изочка с Сэмэнчиком поражались тому, как много в Москве, где этот журнал выпускается, неведомой им еды. Особенно интересны были маленькие желтые чоро?ны[44 - Чорон - деревянный ритуальный кубок для питья кумыса (якут.). Формой напоминает грушу.]-груши и красные мячики-яблоки, усыпавшие деревья гуще, чем шишки сосновые ветки. Когда Мария в один из воскресных дней принесла красные плоды в авоське, дети закричали:

- Яблоки, яблоки! Ты с каких деревьев их сняла - с елочек или сосен?!

- Купила в буфете теплохода «Механик Кулибин», - улыбнулась Мария. - Но это не яблоки, а помидоры. Они на кустах растут.

- Как красная смородина?

- Да, только в огороде, не в лесу.

- Вкусные?

- Узнаете! - Мария загадочно улыбнулась и нарезала помидоры в тарелку...

Позже Сэмэнчик нашел в журнале картинку с помидорами и пожалел москвичей:

- Бедняги! Наверное, они едят такие нехорошие пиши, потому что в Москве не растет кислица.

Изочка согласилась. Сок в помидорах оказался водянистый, без сладости, с привкусом прелых картофельных очистков... То ли дело - красная смородина! Стоит только подумать о ней, как во рту становится кисло, а от горстки ягод глаза на лоб лезут - забористее кумыса, кислее щавеля и терпче в сто раз! Потому и прозвали кислицей.

Скоро поспела черная смородина, ягода сладкая и духмяная. Матушка Майис повела детей за нею далеко, матерым сосняком, по пятнистой от солнца тропе

вдоль брусничника, выкупанного в прохладе утренних рос. Высокие и прямые, как на подбор, стволы редкого на севере строевого леса смыкались кронами, – словно нетуго натянутый мелкоячеистый невод колыхался вверху. Золотая пыльца свивалась в лучистую пряжу и, пронизывая зеленоватую мглу, рассеивала крапины света на невызревших розовых россыпях брусники.

У откоса, сбегающего с супеси в мшистую впадину, Изочка вспомнила эти места. В прошлом году поздней осенью, незадолго до снега, они с Сэмэнчиком собирали здесь листья толокнянки для лекарственного настоя, пока Майис, обутая в пропитанные жиром торбаза, бродила в низине. По икры утопая в пышном моховом одеяле, она прутяным веником мела в туес чуть подмерзшую багряную клюкву...

Хотелось увидеть таежного духа-хозяина Байаная из песни дяди Степана или белку, в которую превращается веселый лесовик. Внимательно осмотревшись, Изочка заметила только летучих созданий цвета лазури. Поднимаясь к взгорью из влажных пойм, они стригли прозрачными крылышками застоялый, пропахший хвоей воздух и под другим, «не волшебным» углом зрения оборачивались простыми стрекозками. А впереди маячила обыкновенная Майис, озаренная веснушчатым солнцем...

Изочка разочарованно вздохнула: не было в тайге чудес.

Со спокойной уверенностью сквозила Майис в прошве солнечных нитей. Изочка глянула искоса, по-особенному, и встрепенулась: прекрасная незнакомка плыла перед нею в золотом сиянии, как устремленное в таинственную глубь лесное божество!.. Да и впрямь! Разве не Майис известны в урманах все петлистые тропки с оттиском косульих копытец в подсохшей глине, все нарядные клюквенные пади, все поречья, на чьих распаренных грозами почвах так вольготно разрослась этим летом смородина?!

Сторожкую тишину вдруг взорвало резкое квохтанье. Огнем и тревогой чиркнуло на свету рыжее оперение кукши... Майис остановилась, качнувшись, точно кто-то толкнул ее в грудь, и побежала к прогалу за развилкой тропы, где резвилось свободное солнце. Дети понеслись следом, и за поворотом им открылась уродливая картина – подобной они не нашли бы в своей короткой памяти.

Неизвестная сила безжалостно и неумело вырезала большой кусок заповедного бора. Горючая смола заливала высоко покромсанные пни. Их было много. Среди раздавленных трактором можжевельных кустов, затоптанного вереска, корья и щепы валялись кучи отсеченных сучьев. Беспомощно вздрагивала на ветру живая хвоя снесенных верхушек, еще не успевших понять, что остовов у них уже нет...

Майис медленно двигалась по захламленной вырубке, касаясь рукою пней... и пела.

– Домм-эре-домм...[45 - Домм-эре-домм – заставка к молитве, песне, песенному сказанию.] О-о, мои родичи, рожденные стоя! – печально пела она по-якутски. – Сгубили вас хищники с черными мыслями, с мутной кровью испорченных вен... Осквернили древесную колыбель алчной тягою рук рвать, крушить, загребать тайком...

Склон, изрытый тяжким железом тракторных гусениц, уходил развороченной колеей вправо, в сторону города. Самочинные вальщики, очевидно, разбойничали в безлюдной глуши не однажды, но нынче очень торопились, раз не удосужились подобрать выпавшие или не поместившиеся в кладь лесины, – бросили поперек дорожных борозд...

Изочка чувствовала боль поруганной тайги. Она будто слышала хрип-визг двуручных пил, слышала, как под довершающими ударами топора с треском и стоном рушились красивые сосны. Нет, вовсе не богатыри вроде глупого Тэке бесновались тут, гонясь за белкой, и дух-хозяин не сумел бы восстановить похищенный лес. На месте этого жестокого побоища кончалась сказка...

– О-о, не держите зла на человеческий род из-за крысьеподобных татей, в чьи убогие души вселился демон наживы!.. Домм-эрэ-домм, – завершила песнь-молитву Майис и подняла с земли ветвь, изгрызенную зубцами гусеничных полозьев.

– Тебя кукша о плохом предупредила? – спросил Сэмэнчик.

– Может, и она, – уклонилась Майис от прямого ответа.

Сэмэнчик со значением подмигнул подружке... Ой! Скорбь на незакаленных весах детских чувств тотчас сменилась радостным удивлением. Изочка замерла в восторге. Как же сама не догадалась?! Рыжая белка, рыжая кукша... вот оно, чудо! Байанай, конечно, способен превратиться в любого зверя и птицу. Встретится ли волшебник снова и чей образ примет тогда?

Суходол с благородным хвойником остался позади, на пологой проплешине захороводилась сосновая молодь. Под оборками нежно-зеленых платиц паслись выводки крепконогих маслят. Будь здесь мама Мария, до страсти любившая собирать грибы, непременно бы кинулась к ним, а матушка Майис равнодушно прошла мимо соблазнительных лаковых шляпок. Никто в семье Васильевых, включая Изочку, не поддавался на уговоры Марии отведать чуждую якутскому вкусу «коровью отраду» ни в супе, ни с жареной картошкой. Степан вообще считал грибы опасной снедью: довелось видеть, как буянил несмышленный бычок, прельстившийся какими-то поганками...

За хилым, увязшим в болотине осинником неожиданно выхлестнул пестрый, как праздничная косынка, луг в цветах, окаймленный зрелыми смородиновыми кустами. Распатлые ветки истомленно гнулись под бременем прозрачно-коричневых на просвет и матовых черных ягод.

Дорваться до ягодного изобилия да вначале не наесться вдоволь?! Жмурясь от кислинки и удовольствия, Изочка надкусывала стреляющую в небо сахаристую мякоть, вобравшую в себя жар и запах цветочного лета, и думала о странном вкусе матери. Помидоры! Грибы, хм-м! Интересно, могут ли хваленые яблоки-груши сравниться с душистой сладостью черной смородины? А тем более земляники! Недавно Майис для лучшей сохранности спахтала землянику с маслом в большом туесе. Занесет дядя Степан зимою заветный туес из ледника, и воздух в доме наполнится густым благоуханием земляничной поляны...

Крупные многоплодные кисти застучали по донцам туесков сперва звонко, потом тише, глуше, и наконец все звуки мира победило безумолчное нытье комаров в оба уха. Изочка поспешила прислонить посуду к коряге. Отмахиваясь от зудящего гнуса левой рукой, правой дергала литые гроздьи и воображала, что помогает Майис доить корову Мичээр.

– Добирались сюда вон как долго, а трудились с час, – сказала довольная Майис, глянув из-под ладони на солнце, и плотно замкнула крышкой заплечный короб.

Берестяная укладка была размером с ведро, но проворная сборщица успела и ягод насыпать с верхом, и хорошо отдохнуть, пока дети заполняли свои туески. На крышку короба легла искалеченная ветвь, прихваченная в разоренном гнезде горного леса...

В траве под выемкой коряги приткнулись одна на другой три пухлые оладьи, по числу гостей – отдарок Байанаю за щедрость. Отвесив поясной поклон радушному лугу, Майис повернулась лицом в сторону елового колка, за которым блестели волны реки. Изочка знала: коль случилось приблизиться к Лене, водяного духа тоже надо попотчевать домашней стряпней... Хорошо! Свежий ветер на берегу отгонит комариные тучки.

Чуть наклонясь под тяжестью увесистого туеса, Сэмэнчик вприпрыжку побежал к колку. Майис засмеялась, покачивая головой: ох уж сильный, ох, нетерпеливый эр киһи!.. Взяла Изочку за руку, и скоро перед ними во всю безоглядную ширь распахнулся могучий речной простор, исполненный слепящего блеска и сини. Казалось, этот берег и тот, противоположный, – полоса желтоватого тумана, точно разлитое сырое яйцо, – еле удерживают свободолюбивую реку в песчаных объятиях. На покосном аласе берег обрывист, и сразу под ним летит темная быстрина, близко не подойдешь. А тут береговая полоса длинная, ровная – есть где разгуляться и людям, и волнам.

Путники разулись. Сырой песок приятно охлаждал разгоряченные ступни. Наспех перекусив, Сэмэнчик умчался на поиски красивых камней.

Накативший прилив слизнул с ладоней Майис три оладушки, принял умирающую сосновую ветвь и схлынул.

– Лесное, речное, небесное – лес на моей земле, река в небо, вода и воздух, – пела Майис.

– Зачем ты отдала ее реке?

– Большая вода развеет таежную боль, – задумчиво сказала Майис, следя за тем, как ветвь ныряет и возносится с гребня на гребень.

– Лес тогда перестанет плакать?

- Да... и не затаит зла на людей.
- Он плакал внутри меня, – пожаловалась Изочка.
- Это называется состраданием, огокком. Твое сердечко научилось чужую беду, как собственное горе.
- О чем ты пела там, на холме?
- Разве ты не слышала, о чем? – внимательно глянула Майис.
- Ты просила прощения у деревьев из-за тех плохих дяденек, потому что они их срубили... Но ведь и дядя Степан привез бревна для нового дома?..
- Он привез лес с деляны, разрешенной на валку для строительства. Ровно столько, сколько нужно, ни бревном больше.
- А прощения попросил?
- Конечно, и убрал все до последней веточки.
- Зимой люди сжигают в печках много-много деревьев!
- Видишь ли, лесники, которые охраняют тайгу, выбирают для заготовки дров нездоровые, сорные участки, с сухостоем и буреломом. Если такие места не чистить, они начинают болеть – гнить, мокнуть, проваливаться и в конце концов превращаются в болото.
- Лес болеет, как человек?!
- Как любое живое существо.
- Лес растет, плачет, радуется и сердится... да?
- Если жить с ним по честным законам, не сердится.

– Реки тоже живые существа?

– Это жилы и вены земли.

– А наша Лена?

– Бабушка Лена – кровь и молоко тайги, огокком...

Изочка забралась с ногами на пригретый солнцем валун. Река пела. Не как матушка Майис, и вообще не как человек. У нее был голос живой воды: журчанье, звон, рокот, плеск... Может, и у крови такой голос – меняющийся каждый миг? Похожий на шелест листьев, шорох звериных лап по тропе и орлиный клекот...

Скрестив руки на груди, Изочка прислушалась. Она гордилась тем, что ее сердце научилось чувствовать чужую боль. В нем молча текла кровь и робко стучала маленькая жизнь.

Хлопотливые волны шили бесконечные шапки из пены и облаков. Шили и несли в дар морю Лаптевых, где Мария жила когда-то с папой Хаимом на мысе Тугарина-Змея. Но Мария не любит вспоминать ледяное море. Чаще вспоминает нездешнее, Балтийское. Говорит о нем таким голосом, будто сейчас заплачет, и глаза смотрят вдаль, хотя перед ними не морское раздолье, а облупленные стены барака.

Изочка сидела на валуне, обняв колени, и тоже смотрела вдаль. Лена сливалась на горизонте с небом, и было непонятно, где небо, а где река. Впрочем, найти линию, отделяющую воду от воздуха, Изочка не старалась. Ей было некогда. Она не очень уверенно шла в неглубоком ручье своих разноцветных раздумий и ловила одну важную мысль, а та ускользала рыбкой, дразнясь и притворяясь незначительной. И вдруг Изочка ее поймала.

Мысль была о том, что, если б какой-нибудь волшебник, не Байанай, а другой, предложил Изочке поменять Лену на Балтийское море, она бы не согласилась. Ни за это море, ни за остальные моря-океаны, ни за сто лучших рек в мире и даже стран. Ведь не поменяла бы она маму Марию и матушку Майис на кучу самых красивых и добрых мам, какие только существуют на свете... Так же и с бабушкой Леной.

Глава 16

Кровь памяти

Сэмэнчику повезло найти на берегу рыжий и крапчатый, как яичко дроздарябинника, камешек с отверстием посередине.

– Куриный бог, – сказала Мария. – Есть поверье, что такой камень приносит удачу.

– Это янтарь? – спросила Изочка.

– Нет, сердолик.

Изочка вынула из шкатулки и показала мальчику янтарные бусы:

– Мой папа собрал янтарные камешки на берегу Балтийского моря. Он сам провертел в них дырочки, сделал бусы и подарил Марии.

Услышав в Изочкиных словах неприятный ему намек, Сэмэнчик пробурчал:

– Люди находят разные камни... Их не обязательно дарить кому-то...
Большинство людей оставляет красивые камни себе...

Мария больше не носила бусы, не хотела ворошить былое. Чем дальше во времени отступали давние события, тем ярче и выпуклее становились они в памяти, подсказывавшей забытые подробности. Прошлое казалось реальнее настоящего. Мария боролась с собой, отгоняя воспоминания, как одинокие хозяйки стараются не думать о неподъемной подвальной двери, из-под которой дует холодом склепа, запустением и нераскрытыми тайнами – пусть там, за дверью, треща, лопаются опоры и грозит рухнуть фундамент, лучше ничего не знать. Но дочь достала бусы из шкатулки и вызвала к жизни призраков, вроде бы накрепко запечатанных в исстрадавшемся сердце кровавым сургучом...

Сдвинулось в глазах, повернулось время. Разбросались, будто детские башмачки на песке, смоленные лодки в дюнах, взъерошились на крышах сараев растрепанные гнезда аистов, и в чьем-то беспечном саду под тяжестью перезрелых плодов согнулись ветки груши. Горячим валом, пестрыми волнами хлынули картины, звуки, сгущенные запахи осени в Паланге... Ноздри Марии невольно затрепетали от острого обонятельного наваждения.

Домик на задворках благоухал медовыми яблоками. Ветер, летящий с моря в открытые окна, оставлял на губах привкус йода и соли. В кузнице белоголового Иоганна пахло каленым солнцем. В хозяйском доме стоял приторный аромат южных цветов – запах женщины с глазами египетской кошки...

Бархатное, с надменными нотками, контральто донеслось издалека: «Приехал, разведал о моем вдовстве и ни дня не вытерпел, нагрязнул. Сказал, чем пахну, – лавандой, мол, я и не знала. Ох, как же он нюхал меня! Мой белый зверь!..»

Реальность ворвалась в память громким требованием Изочки:

– Мария, расскажи Сэмэнчику сказку о янтаре, которую любил папа!

– Жаль, я не смогу спеть вам красивую песню, как пел ее твой отец... Она на литовском языке, вы не поймете слов.

– Но ты же рассказывала просто сказку, помнишь? Ну, ту, где слезы русалки превратились в янтарь!

Слезы! Хаим, зачем ты подарил мне слезы?..

Щелкнув пальцами перед лицом матери, непочтительная дочь заглянула ей в глаза:

– Ты опять куда-то далеко смотришь! Ну ладно, не хочешь – сама расскажу. Слушай, Сэмэнчик...

Констанция освещала ночную дорожку лампой и с чистосердечным бесстыдством любовалась стройной спиной квартиранта. «Счастливая ты! – шепнула Марии, вспыхнув мерцающим глазом. – Твой Хаим – сама любовь».

Мысленный образ хозяйки яблочного домика в мыслях же вызвал улыбку. Мария запоздало посмеялась над собой, над непо?нятым в то невинное время всплеском ревности, ведь тогда ей всерьез почудилось, что песня, как сумасбродная женщина, вот-вот уведет от нее мужа в бурю непознанных искушений и шквальной страсти, в блистающий подводным солнцем дворец на дне...

Дети о чем-то спорили.

- Солнце сделано из огня, а он погас бы в воде.

- Может, в море вода из воздуха?

- Вода из воздуха не бывает!

...Воздух был соткан из небесной воды. «Бежим!» - крикнул Хаим, и они помчались куда-то сквозь обвал неба, в лучистый ливень, мокрые и счастливые. Земное чрево спрятало их от грозы под корнями упавшего дерева. Там муж подарил Марии янтарные бусы.

- Янтарь горит в воде, как солнце, поэтому он «бел и горюч!» - крикнула Изочка.

Сэмэнчик не отступал:

- А я думаю, он горюч, потому что горький.

- Не облизывай бусы, глупый!

- Сама ты глупая! Камешки не горькие. И они не белые, а желтые.

- Мария, скажи ему, что янтарь бел и горюч!

- Сейчас, - вздохнула Мария, выныривая из ливневой памяти. - Горе, горечь, горит - все эти слова одного корня. Когда человек чувствует горе, у него горит в груди, ему делается горько. Поэтому о слезах говорят, что они - горючие. Янтарь и впрямь горит, если его зажечь. Пылает белым светом, хотя встречаются разные камни: желтые, рыжие, похожие на сердолик, черные, зеленоватые... В

Клайпеде одна добрая старая женщина – ее звали фрау Клейнерц – подарила мне янтарь, оправленный в золотое сердце. Он был прозрачный, а внутри светилось разделенное надвое зеленое семечко.

– Я не видела у тебя янтаря с семечком.

– На мысе я обменяла его на теплую одежду для папы.

– А помнишь, ты говорила про ягодки, похожие на янтарь?

– Да, это морошка. Как янтарные бусинки, рассыпанные во мху...

Пани Ядвига квасила тундровую ягоду. Морошка была единственным средством успокоить капризничавшего Алоиса, а до явления врача народу – единственной едой мальчика. Всех остальных малышей на мысе прибрала голодная смерть.

– Мариечка, ты плачешь?!

– Нет, нет...

– Расскажи о северном сиянии!

О, безжалостный ребенок!..

– Северное... сияние... очень красивое. Горючее. Сначала кажется, что в небе загораются свечи. Потом ветра носятся с ними, играют, играют, пока какой-нибудь неосторожный ветер не подожжет небо.

...На улице стоял мертвецкий холод, но Хаим позвал, и все вышли, накинув на себя, что нашлось впотьмах. Нийоле вынесла даже маленького Алоиса, закутанного в верблюжье одеяло. Небо полыхало разноцветным костром. Жестокая природа ледяного взморья, переживая редкие сентиментальные минуты, выжимала из себя краски и то ли плакала, то ли веселилась – отчаянно и обреченно. Пожар раскинул по поднебесью радужные переливы – щедрые, яркие, и отступила слепота авитаминоза и цинги... Сволочи-цинги.

Пестрые столбы танцевали над дорогой и как будто на ней самой. А по дороге, в окружении пляшущих огней, тащился домой после нелегких трудов бригадир труповозов Кимантайтис. Старик, должно быть, переживал, что выболтал обитателям последней юрты на аллее Свободы большой секрет. По наущению милиционера Васи он выбивал у покойников золотые коронки...

- Мария, у меня от твоих слез горит в груди, и в носу стало горько!

Память с азартом кладоискателя перебирала обрывки прошлого, торопилась воссоздать слова и детали минувшего быта, подробности дум и движений, словно исподволь подводила, готовила к чему-то... К чему?

...Собачья упряжка бежала по огромной тундре вспять к маленькому кочевью, будто тот, кто управлял людскими судьбами, нашел на запыленных полках забытую бобину и зачем-то решил прокрутить назад кинолентку с сюжетом изломанной жизни.

От ослепительной белизны снега ломило в глазницах. Наметенные пургой сугробы успели слежаться, и ноги ступили на твердый наст. Откинулся меховой полог, лицо опухло теплом, замешанным на запахах человеческого жилья и аромате свежесваренного мяса. Копченые олени окорока в опоясках золотистого жира свисали с перекладины под отверстием для отвода дыма. В голове клубились, наслаивались друг на друга больные сумерки. Над теменем лязгнули ножницы, отделяя тугую косицу живой боли... Старуха с древесным лицом, закрыв глаза, пела древнюю шаманскую песнь. Звала, выманивала наружу угнездившуюся в сердце беду...

Не в силах освободиться от напора губительной памяти, от себя самой, Мария вдыхала воздух времени, истекшего в вечность, и чувствовала, как неотвратимо погружается в темные воды, в давно ожидающую ее хищную хлябь.

...И рухнула в глубине запретного сна установленная кем-то плотина. Кровью из вскрытого горла хлынул горячий ручей. Поток заструился навстречу коварному сну, к пошевеленному лиху, где на смертном краю застыла толпа темноволосых обнаженных людей, предназначенных к жертве во имя чистоты арийской крови. Автоматные очереди расстреляли их многоголосый вопль. Падали, падали прерванные жизни, исчезая в обрыве немоты и забвенья. Облако жирной копоти окутало забрызганное кровью дерево. Кровь памяти раненого сердца Марии

стекала в безумную черную пропасть.

- Мариечка, проснись! Не кричи так страшно, я тут, с тобой!

...И виноватая в побеге кровь остановилась, дрогнула... побежала назад, суетливо втягивая в обратный ручей рассыпанные, как шарики ртути, алые капли.

Взволнованное детское дыхание коснулось лица. Изочка тормозила мать, целуя ее и плача, спасая от кошмарных видений.

Мария обняла дочь, привлекла к себе растерянного Сэмэнчика.

- Детки, детки мои! Я вас напугала?

- Ты кричала, как будто уснула и увидела во сне что-то плохое...

Это сон? Чей он, сводящий с ума?..

- Простите меня... Я сильно устала и, видимо, вправду уснула...

Чей бы он ни оказался, вещице глаза памяти успели просквозить по темноволосой толпе. В ней Мария не углядела белокурого мальчика, сидящего на руках пожилой женщины. Их обоих там не было...

Не было.

Глава 17

До свидания, «кирпичка»!

Марию навестил приехавший на гастроли Гарри Перельман.

– От Якутска до нашей «кирпички» явно не пять километров пути, а почти сто! Ты не боишься каторги? – удивилась она.

Музыкант засмеялся:

– Есть разрешение! Все очень просто – я даю уроки сольфеджио дочке очень важного чина.

Гарри пообещал договориться, чтобы Марии переменили место жительства на город, и увез в отделение спецпоселений ГБ[46 - С 1950 по 1953 г. делами спецпоселенцев ведало 9-е управление в составе Министерства госбезопасности СССР.] ее заявление-просьбу. Уже через неделю в конторе Якутского государственного рыбного треста нашлась вакансия делопроизводителя. Причем даже с предоставлением комнаты в общежитии!

Раздосадованный комендант заставил Марию подписать кучу бумаг и, уловив невольный вздох, заметил, что ей еще придется повздыхать в Якутске.

– Здесь-то вы только фамилию свою на бланках черкаете, а там придется снова заполнять все анкеты, – предупредил он. – Потом с вами побеседуют, и не раз. Если ваши ответы кому-то не понравятся, могут к черту на кулички отправить – в шахту или опять на рыбный промысел.

– Хуже не будет, – сказала Мария, почему-то твердо в этом уверенная.

– Ну что ж, удачи вам, – кивнул офицер, и она, как не однажды было, подумала: хороший человек...

Утром собрались переезжать. Связав нехитрые пожитки в баулы, Мария втиснула их в жестяную ванну, накрыла матрацем – вот и все имущество.

Майис трудно переживала предстоящую разлуку с Изочкой и не отпускала ее от себя под предлогом шитья новой шубки из оленьего меха взамен истершейся жеребьячьей. Ставший родным ребенок уходил в новую жизнь, где матушки Майис рядом не будет.

– Ой, какая красивая! – запрыгала Изочка, в восторге от накинутой на плечи обновки. Капюшон и рукава шубки были отделаны бисером, из-под обшлагов выглядывали пришитые к ремешкам ондатровые рукавички.

Тяжко вздыхая, Майис огладила подол:

– К подкладу полоса кумача пристрочена. Во всем, что красного цвета, сидит серебристобородый дух огня, рыжеголовый дедушка. Он обережет мою... нашу девочку от дурных глаз и злых духов.

– Опять духов вспомнила, – засмеялся Степан. – Сгинули давно шаманские духи вместе с русскими чертями.

– Ок-сиэ, – невесело усмехнулась Майис. – А то я не видела, как ты своих кузнечных духов маслом угощаешь!

Сэмэнчик сунул Изочке в руку крохотный узелок на палочке. Вся она была покрыта вырезанным по бронзовой коре орнаментом: в мальчишке начали обнаруживаться наследные способности.

Изочка развернула узелок, а там – сердолик!

– Пусть курицын бог принесет тебе удачу, – шепнул Сэмэнчик, краснея.

– Куриный, – поправила Изочка.

Веселый талисман, рожденный рекой-бабушкой, хранил тепло мальчишеской ладони. Изочка, конечно, очень обрадовалась подарку, но понимала чувства Сэмэнчика.

– Не жалко?

– Жалко, – честно признался он.

– Зачем тогда?..

– Ты – девчонка, а я сильный, поэтому я хочу, чтоб тебе повезло, больше, чем мне жалко, – сумбурно пробормотал смущенный мальчик и завязал на шее подружки кожаный шнурок, продернутый в дырочку куриного бога.

Занятые своими переживаниями, они чуть не пропустили торжественный момент вручения Марии серег, точно таких же, как у Майис. Степан отлил их из остатков серебряной ложки.

Ахнув, Мария прижала руки к груди, не способная слова молвить: красота неопишуемая!

– Это серьги-женщины, – принялась объяснять довольная Майис. – Смотри, кружок под зацепкой на серьге – голова, треугольник под ним – платье, в середине оно округлое, потому что в животе ребенок, видишь рисунок на выпуклости? Седьмого ждет женщина, шесть висюлек снизу – тоже дети. Такие серьги юным нельзя носить, их женщинам дарят на счастье.

– Спасибо... Я и забыла, что когда-то носила серьги. Они чудесные...

Майис помогла вдеть украшение. Степан, одетый в темную рубашку, придумал прислониться к окну снаружи, чтобы стекло стало как зеркало. Мария повернулась и не узнала себя: из смутного отражения на нее взглянула прекрасная незнакомка. Ореол дымчатых волос вился вокруг лица, вдоль шеи блестели многодетные серьги-женщины.

– Ты очень красивая! – выдохнула восхищенная Майис. – Знаешь, всякое бывает... Может, там, в Якутске, найдешь свое счастье.

Зеркальная красавица обняла Майис. Заулыбались в окне, засверкали одинаковыми серьгами две Греты Гарбо – светлая и смуглая...

Одна из Грет вдруг охнула, всплеснула руками:

– Чуть не забыла! – и сдернула платок с таинственной горки на столе. – Это тебе!

– О-о-о! – воскликнула Майис и с размаху уселась на голые доски тахты.

Под платком скрывалась швейная машинка – прекрасная черная кобылица! Не совсем, правда, новая и без футляра, она все равно была чудо как хороша, – расписанная повдоль золотым узором, с гербом на лаковых боках «крупя» и с белой костяной ручкой на изящном изгибе рукоятки!

Изочка знала, каких трудов стоило Марии купить машинку. Весь год подтягивала по русскому языку нерадивого сына заводского начальника. Пришлось, конечно, добавить – на доплату ушли деньги, вырученные от продажи вещей, которые решили не брать с собой.

Майис любовно огладила машинку ладонью, крутанула ручку, и пришел в движение, ровненько застрекотал послушный механизм, деловито застучал острым клювом никелированный журавль-стерх...

Когда радость от подарков поутихла, Майис взяла Изочку на колени, закачала, заплакала:

– Огочком!.. Как я буду без моей птички?

Мария тоже пригорюнилась:

– А как мы без вас?

– Ну-ну, потоп начался, не на краю света Якутск, день пути на лошади, – заворчал Степан. – На грузовике и вовсе три часа... Чаше приезжайте!

– Нельзя поселенцам так далеко...

Выйдя на улицу, Степан поставил ванну с вещами в задок телеги – начальник на прощание разрешил воспользоваться казенным «транспортом». Новоселы примостились за спиной кучера, лошадь тронулась...

Васильевы стояли у дороги и махали руками вслед.

– Матушка Майис, – прошептала Изочка. – Я к тебе скоро приеду! – И в полный голос сказала: – До свидания, старый барак! До свидания, «кирпичка»!

Начиналась незнакомая жизнь. Изочке и Марии было одновременно весело и страшно.

Часть вторая

Жалость – сестра любви

Глава 1

Общее житье, «всехная» кухня

К утру, миновав ряд землянок, огородов и юрт, прибыли к длинному новому дому, обнесенному решетчатой городьбой.

– Здесь мы будем жить?! – радостно закричала только что проснувшаяся Изочка.

– Да, – подтвердила Мария, разминая затекшие ноги, – здесь, на этой улице. Она называется Первая Колхозная.

Кучер помог занести ванну в просторную комнату, обращенную окнами к солнцу. В середине комнаты возвышалась диковинная круглая печка, обшитая выкрашенным черной краской листовым железом, с выпукло-рисунчатой, чугунного литья, дверцей.

– Голландка, – произнесла Мария неизвестное Изочке слово. – Дает много тепла, но готовить на ней нельзя. Жуть, какая черная.

– Разве мы больше не станем ничего варить?

– В общежитии есть общая кухня.

В коридоре под потолком темнела знакомая тарелка радио. Кухня размещалась в конце коридора. С висящего на двери плаката ткнул пальцем в Изочку сердитый человек с вытаращенными глазами. Пришлось зажмуриться и дернуть за ручку вслепую.

Половину кухни занимала беленая печь с четырехконфорочной плитой и духовкой сбоку. Угловой стол покрывала коричневая клеенчатая скатерть, а под лавкой со скрещенными «балетными» ножками виднелась крышка подпола с кольцом-зацепкой. «Общежитие – общее житье, поэтому кухня – всякая», – сообразила Изочка. Заводской барак тоже называли общежитием, но общей кухни в нем не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Огокко? – дитя (якут.).

2

Начало истории читайте в романе А. Борисовой «Змеев столб».

3

ТФТ – Тяжелый Физический Труд. Рекомендация ТФТ стояла на справке спецпоселенца.

4

«Равновесие в доме – мир вокруг» (лат.).

5

Нельма – ценная промысловая рыба семейства лососевых, подвид белорыбицы.

6

Лагушок – кадушка емкостью в два-три ведра.

7

Сметона Антанас (1874–1944) – государственный деятель, один из идеологов литовского нацизма, президент Литовской Республики (1926–1940).

8

Огокком – дитяtko мое (якут.). Буква «м» придает слову «огокко» (дитя) более нежный и собственнический оттенок.

9

Белым золотом якуты называют серебро.

10

Ысыах – кумысное торжество, от слова «ыс» – «кропи», «брызгай», отмечается во второй половине июня. В старину к этой поре накапливалось необходимое для отправления праздника количество кобыльего молока, и якуты готовили кумыс. Во время главного праздничного обряда в честь богов и грядущего плодородия жертвенным кумысом окропляли огонь и землю. В советские годы «праздник с духами» не приветствовался и его справляли негласно либо под видом праздника, посвященного лету. Вновь начали повсеместно отмечать в 90-е годы. Теперь ысыах – самый большой и любимый национальный праздник в Якутии.

11

Дорообо – якутская интерпретация слова «здравствуй».

12

Балтым – сестренка (якут.).

13

Кулун – жеребенок (якут.).

14

Ынах – корова, здесь – коровью (якут.).

15

Ыт – собака (якут.).

16

Оголор – дети (якут.).

17

Соло – свободное время, досуг (якут.).

18

Догор – друг (якут.).

19

Уус – мастер (якут.).

20

Ок-сиэ – ироническое междометие (якут.).

21

Красным (ребенком) якуты называют новорожденного.

22

Письменность появилась у якутов в 1922 году. Алфавит вначале состоял из латинских букв, а незадолго до войны их заменили кириллицей, только в написании тех звуков, которых не было в русской речи, буквы остались латинскими.

23

Нууча – русский (якут.).

24

Саха – самоназвание якутов.

25

Хомус – якутский варган.

26

Чохоон – национальное якутское блюдо из взбитого с теплым молоком сливочного масла, часто с земляникой. Едят в замороженном виде.

27

Юрюнг кёмюс – белое золото, т. е. серебро (якут.).

28

Бурдук – мука (якут.).

29

Куобах – заяц (якут.).

30

Балык – рыба (якут.).

31

Мунгха – неводьба и сам невод (якут.).

32

Дьэдьэн – земляника, дьэдьэнээх – с земляникой (якут.).

33

Накаас – мучение, трудность (якут.).

34

Кыыл – зверь (якут.).

35

Тый! – возглас удивления вроде «ох!», «надо же!» (якут.).

36

Тойон – богатый человек, начальник (якут.).

37

Камусы – олени «лапки», полосы шкур с ног оленя. В центральной части Якутии оленей не держат, камусы завозятся из северных мест.

38

Пешня – ледоруб.

39

Эр киһи? – мужчина (якут.). Буквально – человек-мужчина.

40

Ала?с – удобная для сенокоса луговая низина в обрамлении тайги (якут.).

41

Заболонь – подкорковая мездра хвойного дерева. Сосновую заболонь мололи в муку после кипячения в нескольких водах и сушки, использовали для заправки молочных блюд.

42

Раньше сахар продавался большим куском, напоминающим пирамиду, и назывался сахарной головой.

43

Сайылык – летник на месте покоса (якут.).

44

Чорон – деревянный ритуальный кубок для питья кумыса (якут.). Формой напоминает грушу.

45

Домм-эре-домм – заставка к молитве, песне, песенному сказанию.

46

С 1950 по 1953 г. делами спецпоселенцев ведало 9-е управление в составе Министерства госбезопасности СССР.

Купить: https://tellnovel.com/ru/borisova_ariadna/bel-goryuch-kamen

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)